

К С (ЧУВ)
X-98

221214

ИДЕЯ
ЖУЗАНГАЙ

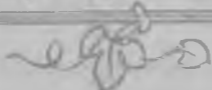
Время
любви

Кит к е (Чув)
X-58

Педер Хузафгай

**ВРЕМЕНА
ЛЮБВИ**

КР

*Стихи,
главы из романа в стихах*

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
1989

ББК 84. Чув 7—5
X 98

Составитель *А. П. Хузангай*
Художник *Э. М. Юрьев*

ПРОВЕРЕНО

702210202

07 СЕН 2017

46—89

X

ISBN 5-7670-0159-6

22124-кр

© Чувашское книжное издательство, 1989

Чув. кн. изд-во
Реп. ...
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

ЯЗЫКОМ ЛЮБВИ

Вот уже около двадцати лет я живу стихами моего отца... без него самого. Стараюсь понять каждое стихотворение изнутри, восстановить биографический и временной контекст его создания. Иногда это мне удается, иногда не очень. Я читаю их выборочно, или в определенной временной перспективе, и мне кажется, что я слышу его голос, который приободряет меня в трудные моменты...

Отец прежде всего был поэтом-лириком (даже в эпических жанрах). Лириком прозрачным, кристальным. Об этом писали многие. Лирика Хузангая волнообразна, она как бы накатывается большими циклами-волнами на берег чувашской поэзии, начиная с середины 20-х годов. В ранних циклах поэт говорит от имени любви и язы-

ком любви. Лирическое стихотворение уподобилось странице, вырванной из дневника, оно заговорило открыто о несказанном, что максимально приблизило личность автора к читателю (чтение стихотворения как разговор с близким другом) и способствовало интимности поэтического мироощущения в целом. И это было своего рода откровением для чувашской аудитории.

Вторая волна приходится на «сороковые, роковые...» Трагизм этих лет закалил голос поэта, сделал его тверже, лирическая субстанция очистилась от примесей. ...Отец начал войну рядовым солдатом, воевал под Сталинградом, на Украине и Белоруссии, в Польше. Печатая свои стихи и фронтовые корреспонденции, он часто подписывает их именем Сувар, как бы припоминая в тяжкую минуту славное историческое имя своего народа. Военная лирика занимает важное место в его творчестве. В 1944 году поэт был тяжело ранен.

Конец 50-х — начало 60-х годов стали для отца временем новых поездок по стране и

за ее пределы. Все чаще он обращается к размышляющей, философской лирике.

Поэзия Хузангая, в целом, это огромное пространство, полнящееся людскими головами, в нем звучат гнев и боль, страсть и нежность. Сейчас этот мир существует сам по себе, без своего строителя. Но мир его поэзии не опустел для меня. Да, я слышу там отцовский голос. Мягкий «серебряный» голос, и за его интонациями, умолчаниями между строк словно встает его живое лицо, я ощущаю мягкое касание его руки. Говорят, что поэт остается жить в своих стихах. Эта мысль утешает меня, когда я погружаюсь в стихию его лирики, которая, хочется верить, имеет и будет иметь своего благодарного читателя.

Атнер Хузангай

1923

1936

Hanes

Когда-нибудь и ты, уgomонясь,
Как ветер перед ливнем затихает,
Поймешь свою таинственную связь
С напевом, что сквозь осень прорастает.

★ ★ ★

Захандрив, не хотел я стихи сочинять,
Да сегодня не выдержал.
Время какое! —
Наконец-то весна зеленеет опять...
Как не петь, если сердце ликует людское!

Как сейчас не откликнуться юной стране,
Как не молвить взволнованно слово привета?
Хорошеет она.
Это, право, по мне.
Пусть же крепнет с годами и голос поэта.

Проникают лучи прямо в буйную кровь,
Ветер душу мою на лету освежает.
В сердце — столько напевов!
И есть в них любовь,
О которой никто еще в мире не знает...

* * *

Колечко звонкое с жемчужиною скатной
Напоминает шия мне одно.
Ах, милая, тебе тысячекратно
Вот это сердце зажигать даю!

Сад яблоневый, кроны возвышая,
В тиши и дреме до поры цветет.
Ответствуй мне, Медведица Большая:
Что за судьба меня в грядущем ждет?

* * *

Дуга из вяза, колокольчик медный.
Раскаты эха в роще заповедной.

Под вечер славно, должен я признаться,
Вдвоем с подругой милою кататься!

Пушистый снег мерцает и кружится,
В лесу крахмальной скатертью ложится.

Но мед с вином никто не наливает,
И милая хушпу¹ не надевает.

Несись, мой конь, — ты ветер догоняешь!
О чем ты, моя милая, вадыхаешь?

¹ Хушпу (чув.) — женский головной убор.

Покуда буду рядом я с тобою,
Глаза мои не увлажню слезою.

Ель, белой шалью ты не укрывайся,
Смутить меня напрасно не старайся.

Прошу, не рань своим зовущим взглядом
Ты сердца девушки, сидящей рядом.

• • •

Я коня гнедого оседлал —
И, простясь с родимой стороною,
Девушку любимую позвал
В дальний путь отправиться со мною.

Опустила голову она,
На глазах заметно погрузтела,
А потом, растеряна, бледна,
Мне в глаза, заплакав, посмотрела.

«Не затем я, видно, рождена,
Чтоб с тобой по свету мне скитаться!»
В душу — боли хлынула волна,
Грудь была готова разорваться.

Сразу повод дернула рука.
Оставайся, коль того хотела!

Конь помчался. По ветру, легка,
Грива его черная летела.

«Эй, душа несчастная, прощай!» —
Только и услышал голос милый.
В сердце кровь плеснулась через край,
А потом как будто бы застыла.

• • •

Ласточка упрямо рвется ввысь —
Два крыла упругих смотрят вниз.
Будущее плещется в груди —
А судьба плетется позади.

Превратиться в голубя бы мне,
Ворковать бездумно в тишине,
Горя и страдания не знать,
Горьких слез в ночи не проливать.

Вижу в небесах звезда одна
Вдруг погасла, — не моя она.
На земле живет моя звезда —
Глаз ясней не видел никогда.

Если бы я ласточкою стал —
То встречать зарю бы прилетал,

К милой бы негаданно проник,
В сон ее вошел хотя б на миг.

Милую бы я не разбудил —
В сердце пылком боль бы ощутил,
Линь «люблю» промолвил бы тепло,
Чтобы слово в сердце к ней вошло.

22121-кр

Чувшинов
Рос. у. дивизион
БИБЛ. — БИБЛ.
№ 14, Горького

• • •

В тени ветлы, над сонною рекой,
Я радовался жизни и любви.
Был белый свет на диво схож с тобой,
Играло солнце щедрое в крови.

Я голову склонил на твой подол,
Ты гладила, смеясь, мои вихры.
Казалось мне, что счастье я нашел —
Так были руки теплые добры.

Журчала родниковая вода;
С вершины дуба, с ясной высоты,
Кукушка нам пророчила тогда,
Что вечно будем вместе — и и ты.

Ты песню начинала напевать —
И если приходилось в ней тебе

Судьбу хотя бы раз упоминать,
То воздавала ты хвалу судьбе.

Была свежа зеленая трава,
Цветы росли, мерцая в лучась.
Пастух на горке, видимый едва,
Издали поглядывая на нас.

Был понимать он, кажется, готов,
Поскольку жизнь его прошла в селе:
Веселье после праведных трудов
Отрадно человеку на земле.

•

• • •

Сегодня все вокруг белым-бело,
Вчерашняя исчезла нестрога.
И солнце удивленное взошло —
Природа так пронзительно чиста.

Вчера дорога мучила меня —
Мотало на ухабах вверх и вниз.
Сегодня трудно мне сдержать коня, —
За ним бесшумно сами понеслись.

Пока по снегу в мягкой тишине
Полосья пробивали колею,
Вдруг ожила мелодия во мне,
Слова пришли.
Я понял, что — пою.

Далеко ль, близко ль ехать — но, ей-ей,
До места доберемся как-нибудь.

Садись ко мне, красавица, смелей,
С тобой отрадной станет зимний путь!

Ах, что за утро нынче! Лес в снегу.
В саях уютных — сена дух сухой.
Поеду сам — продрогнуть я могу,
Да и тебе ведь холодно одной.

Иди ко мне, подруга, поскорей,
Присаживайся рядом поплотней.
Поверь, дороги не было ровней —
Смотри, как мчится конь по ней.

Вот-вот промчимся мимо!
— Что с тобой?

Обиделась?

Лишь снег из-под копыт...

Похоже, конь, качая головой,

«Счастливо оставаться!» — говорит.

* * *

Уж полночь.

Трудно мне глаза сомкнуть.
Как ни пытаюсь, не могу заснуть.

Вновь девушку я вижу пред собой —
Цветок мой золотистый луговой.

Я первую любовь принес ей в дар —
Наивных чувств невыразимый жар.

Вовек не позабуду я о том,
Как у реки сидели мы вдвоем,

Как ночь была осенняя тиха
И колыбалась тонкая ольха,

О том, как пела темная вода,
Плыла над смутным берегом звезда.

Кто эту нежность ныне возвратит?..
Девичье сердце душу мне томит!

В груди так громко сердце застучало,
Тебя к себе я радостно прижал.
Но вдруг все закружилось и пропало,
Развевалось...

Я крепко, сладко спал.

Зажглась зари голубизна сквозная.
С каким трудом я веки открывал!
Во сне я вовсе не тебя, родная,—
Пуховую подушку обнимал.

**И тогда поневоле случилось
Мне такие слова услышать:**

«Ты во мне

видишь только рабыню.

По одежде — душа не узнать.

Ты меня хочешь выиграть?

Ныне

Должен будешь

себя проиграть!»

• • •

Ветер, дышащий влагой ненастной,
С яблонь цвет не срывай понаврасну.

Не воруй у полян красоты —
Ведь, опомнясь, расскажешь ты.

Ах, подруга моя, — что за пламя
Разгорается, встав между нами?

Облетает не цвет — надо мной
Дум кружит нарастающий рой...

* * *

Да, верю я в свою звезду,—
Она, сияя над землею,
От сердца отведет беду,
Спасет ненастною порою.

В мир этот вглядываюсь я,
Глаза сощуришь, не случайно.
Всегда открыта песнь моя,
И есть в ней музыка и тайна.

Я связывать себя не дам
И отмечать свой лоб тамгою¹.
Лезть в душу не позволю вам,
Покуда речь моя — со мною!

¹ Тамга (чув.) — родовая знак.

* * *

Мороз и солнце —

нынче день на славу!

Стих пушкинский

в нем слышен все ясней.

Уж не запрячь ли иноходца, право,

Горя любовью к сверстнице своей?

Пусть сено с хрустом полость заполняет.

Возьмем и шубу — с ней теплей всегда.

В сердцах у нас

такой огонь пылает,

Что не страшны любые холода!

Ты, говорят, прекрасная крестьянка,

Я — жду от слов немислимых щедрот.

Давай с тобой

помчимся спозаранку

Туда, где суть поэзии живет.

На свете есть ты или нет —
Ужель не все равно?
Зову тебя так много лет,
Ищу тебя давно.

Едва в мечтанье побреду
Вдоль жнзненной межи —
Тебя, волшебница, найду.
Откуда ты? Скажи!

Наряды сотканы твои
Из ясного огня,
Кружат во ворах звезд ром,
Мерцают и маня.

Порою мнится: это ты —
Стихи торжество.

Грозящей жаждешь красоты,
Царица, божество.

Знать, Дон-Жуан в свой смертный час
Твой образ вспоминал.
Тебя, тебя, чудесный сказ,
Певец Нарспи * искал...

И все же есть ты или нет —
Не все ли мне равно?
Ведь звать тебя сквозь бездну лет
Судьбою суждено.

* Певец Нарспи — К. Иванов, автор поэмы «Нарспи», родоначальник чувашской поэзии XX в.

* * *

Вглядись в меня, незримой оставаясь:
Иной твой облик есть в душе, поверь.
Года пройдут.
И, с бедами не знаясь,
Счастливой будь — такую, как теперь.

Живи же, — ошибаясь, прозревая,
В порывах и решениях легка.
Но ты отнюдь не ягода лесная,
Чтоб кто-нибудь сорвал со стебелька.

Вот бабочка, огонь цветком считая,
Влетает в растворенное окно...
И нам — я это часто замечаю —
Их различить порою не дано.

Пусть мысль моя покажется неясной —
Не смейся над наивностью моей:
Такою чистой и такой прекрасной
Привык тебя я видеть с давних дней!

* * *

Море Черное буйно вскипает,
Не на шутку волна поднялась.
Что-то взгляд мой вдали различает:
Не беда ли какая стряслась?

Судно видится точкою малой.
Вот во мгле оно скрылось почти.
— Вижу я и тревожусь. Пожалуй,
Нелегко ему нынче в пути.

Если вдруг раскачается море,
Станет ветер соленый крепчать —
Шторм, судам приходящим на горе,
Будет несколько дней бушевать.

— Может быть, это вправду случится.
Опыт, видимо, скажется твой.

С малолетства боролся ты птицей
С набегавшей крутою волной.

— Видно, море ты видишь впервые.
Хоть прекрасен воистину юг,
Наша жизнь — облака грозовые,
Наша жизнь — это море, мой друг.

Судно борется с силою гневной.
Ты и сам на плаву удержишься.
На земле этой, славной и древней,
Все мы боремся так же за жизнь.

Ты считаешь себя одиноким,
Ты в печали едва не пропал.
Что ж бросаешь ты словом высоким:
Мол, со мною по жизни шагал?

Я и сам настрадался с лихою,
Был обижен судьбой и людьми.
— Хорошо, хорошо. Я с тобою.
Замолчи же. Я рядом, пойми.

Ошибались мы часто, наверно.
Мысль двоялась у нас, вот беда.

Но с пути, где мученья безмерны,
Не сбивайся уже никогда.

Судно в схватке со штормом опасным
Отстоит себя, верю, сполна.
Наша жизнь — это море, мне ясно,
Человек же — морская волна.

Сочи — Туапсе

• • •

Родному краю — до земли поклон
За то, что отовсюду кличет он.

Давно мечтал я снова здесь брести,
Мост деревянный встретить на пути.

Покосы потянулись за мостом —
Побегать бы, как в детстве, босиком.

Росой, отяжелившею пырей,
Мне окропить бы душу поскорей.

Ветла склонила ветви над ручьем —
В густую сень упасть бы мне ничком.

«Знай, родники целебны в Сиктерме!» —
Односельчане говорили мне...

Вот за буланым пегий конь идет —
Их девушка на водопой ведет.

Узнала ли меня (пусть и не ждет) —
Иль притворилась, что не узнает?

Вот пегий конь заржал — и в тот же миг
Жар удали мне прямо в грудь проник.

С красавицей бы на коня сейчас —
И на скаку поцеловать хоть раз!

* * *

Ночь туманна. Вновь я сам не свой.
Разум с чувством спорят меж собой.

Покориться чувству я боюсь,
Сдержанным и строгим быть учусь.

Только разум — не яварский лед,
И огонь в душе он не уймет.

Коль не спится, выйду — так и быть —
Вместе с ветром в поле побродить.

Долго ль с ним бродил наедине —
Вспомнилось былое время мне.

Что мне делать, если в час ночной
Образ твой возник передо мной?

★ ★ ★

Как ночь ясна! Опять не спится мне.
Лишь о тебе я думаю, родная,—
И сердце замирает в тишине,
С волшебной сказкой явь соединяя.

Еще прекрасней стала ты сейчас.
Ты вль не ты? Узнать тебя непросто...
Так спой!
Душа давно уж заждалась —
Мне нужен лад «Узорчатого моста!»

Ты спой мне.
Пусть вернутся в час ночной
И мельница, и улица пустая,
И плещущая зыбкою волной
Река, закатным светом залитая.

Ты пой.

Увижу мост я — и пойму:

Виденьем он поодаль остается.

Кто знает! — вдруг в грядущем по нему

Мне перейти уже не поведется?

Ничем гнетущей не избыть вины

Перед селом, покинутым жестоко...

Растаял снег.

Поля вокруг черны,

Безлюдны, — но, конечно же, до срока.

Как только схлынет паводок весной

И на холмах трава зазеленеет —

Во всей округе только дом родной

Избавиться от грусти не сумеет...

Не выразить мне, как ты хороша.

Воспоминанья сердце мне сжимают.

Разбуженная песнею душа

Мир в слитности его воспринимает.

* * *

Сядь-ка рядом, милая, со мной.
О заветном помолчим вдвоем.
Долго ли под ясною луной
Нам гореть томительным огнем?

Всяк любви на белом свете ждет,
Всяк готов бывшее вспоминать.
Только лишь умерший не придет,
Чтоб кого-то сызнова обнять.

Так душиста темная волна
Ветром развеваемых волос!..
Видно, ты судьбою мне дана.
Что за счастье в сердце ворвалось!

Плеч твоих озвбших белизана,
Бирюза тревожащая глаз —

Рядом... Вот душа я смущена.
Так тобою полон каждый час!

Те слова, что от других там,
Сам я знаю, отчего сказал:
Никого еще я не любил,
Никого еще не поцеловал.

Поцелуй вкус мне незнаком,
Сладок или горек он — как знать?
Ты сама не ведаешь о том —
Сердце мне успело подсказать.

То, что сердцем верный подан знак,
Но улыбке понял я твоей.
Что ж, не покорись — коль это так,
Если нет — целуй меня скорей!

Без ладьи ты в морях поплывешь,
Горы будут тебя восхвалять.

Самый славный поэт на земле
Слов, достойных тебя, не найдет.
Все живые — исчезнут во мгле,
Но твое воскресенье —
 грядет.

«Ах, Мадонна!» — стремятся порой
Рафаэлеву душу понять.
Этот мастер теперь пред тобой,
Как школяр, мог бы тихо стоять.

Красок нет, чтоб лицо воссоздать,
Чтобы цвет твоих глаз передать.
«Вот колдунья! —
 пойдут бормотать, —
Как умеет она чаровать!»

Так храни же в юдоли земной,
Словно оберег,
 отческий край.
Не склоняй головы предо мной,
Душу чувством холодным спасай.

Меж облаков луна сияет молодая —
То скроется совсем,
то выглянет опять.

Не увлекайся, все на свете забывая,
И, глядя мне в глаза,
не тщись околдовать.

Как радостно врачку девичьему искриться,
Как ломок он в тиши,
прозрачнее ледка!

Заставит сердце он невольно приоткрыться,
Но страшный холодок
коснется вдруг виска.

Сиянье глаз твоих помстится бездонно,
Иду я сквозь него
в неизвестной глубине.

Прощаюсь я с тобой немного отчужденно,
Хоть обнимать тебя
так сладко было мне.

Возможно, что и ты по мне не затоскуешь,
Забудешь обо мне,
как чувства ни влекли.
Сегодня рядом ты и так меня целуешь,
А завтра, может быть,
окажешься вдали.

Светает. И луна бледнеет молодая,
И новой ждет зари
жемчужный небосвод.
Не увлекайся, все на свете забывая,
Последний поцелуй
пусть холодом проймет.

• • •

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее...

М. Лермонтов

Себя я уверял так много дней,
Что минула
 любви моей весна.
Но почему же в памяти моей
И перед взором —
 только ты одна?

Зачем твой образ
 в сердце я сберег? —
Красе ль твоей покорен я давно,
Душа ль твоя чиста? —
 Но видит Бог,
Что этого узнать мне не дано.

• • •

Месяц в этот вечер — чародей.
Звёздам не до игр, не до затей:
Тот, кто погасил их вдалеке,
С мукою людской накоротке.
Месяц в этот вечер — чародей.
Причусь я в печали от людей.

Друг мой! Ты ли? Спутал ли с другой?
Кто согрел бы? Вновь я сам не свой.
Все-то мне едино так давно,
Лишь тебе совсем не все равно.
Друг мой! Ты ли? Спутал ли с другой?
Кто из женщины завладел душой?

Погоди. Не надо говорить.
Звезд померкших нам не возвратить.
Закатилась яркая звезда,

В песнях след оставив навсегда.
Погоди. Не надо говорить.
Не моя ль упала? Может быть.

Я и сам не ведаю сейчас:
Кто обманет из двоих из вас?
Где же счастье? Путь к нему столь иглист.
Кто из вас со мною сердцем чист?
Я и сам не ведаю сейчас —
Что же утро скажет в первый раз?

• • •

Покровитель лирики земной,
Вышел в небо месяц молодой,
О тебе вздыхая. Ты — со мной,
Хорошо тебе в тиши ночной.

Улыбнись! Тебя мне — не забыть.
Веселись, будь радостной сейчас.
Я не дам сомненью опалить
Клятву голубую милых глаз.

Лик и образ в слове есть у нас,
Оттого у клятвы цвет такой.
Жизнь — одна, умру один лишь раз, —
Я спешу писать, забыв покой.

А стихи меня переживут.
Коль душа людская все вольней,

**Верю я:
поэзия — мой труд —
Станет людям в будущем нужней.**

**Улыбнись с открытою душой,
Помолчи — я знаю, что любиш...
Покровитель лирики земной —
Месяц — следи с обликом твоим.**

• • •

Село твоё — прославленная Кушка,
На улице Красивой ты живешь.

Ах, милая,

ну где же он, наш Пушкин?

Кого ты так с почтеньем назовешь?

Как стих наш беден! Грустная картина:
Поэтов нет почти. А где их взять?

И лишь огонь душевный Константина¹

В веках грядущих может просиять.

Таинственные сумерки былого

Не увлекут нас более, поверь.

Уже я вижу юношу другого,

В Сильби другая девушка теперь.

¹ Константин — К. Иванов.

★ ★ ★

Из чуваш я такую еще не встречал,
Но смятенья душа в этот раз не таила:
Проснила, когда я тебя увидал,
Ликованьем полна, — а потом загрустила.

Тень таинственной думы твоей мне видна,
Эта дума всецело тобою владеет.
Так весною листва на ветвях зелена,
Но в осенние дни и она почернеет.

Может, вечного нет — но природа всегда
Будет домом для всех и приютом желанным.
Ты — цветок луговой, ты чиста, молода, —
Что же прячешься ты за покровом туманным?

В неприкальном сердце берег и черты
Тех немногих красавиц, что знал я когда-то.
Что теперь мне до них! Не сбылись ли мечты?
Отзовись! — Ну какую ты грустью объята?

Грустить не надо. Голову поднять
пора.

Прошу, меня ты не чурайся.

Лишь ты сестрой и другом можешь стать
судьбе моей.

Собою оставайся.

Для души поэта лишь одна
надеждою пленительною станешь.

Тебе таится

новая весна,

ты полнотою глубин заветных манишь.

Много в мире. Надо до конца

идти по жизни, надо ладить с нею.

Во сколь различных у людей сердца:

у тех — слабы, у тех — куда смелее.

• • •

Тень на лицо твое

ляжет неожиданно:

Луч будет в пору предгрозя гореть.

Вместе с тобою

чувашские Анны

Станут о жизни прошедшей жалеть.

Выцветет пламя очей молодое,

Время жестоко иссушит уста...

Но, как и прежде,

я нежен с тобою,

Речь моя так же тиха и чиста.

В жизни мы любим единожды только

Так, чтобы вьязы сбывались мечты.

Все остальные мне чужды.

Их сколько?

Сколько бы ни было — это не ты.

Всем им, холодным, бесчувственным, право,
В сердце огни не зажечь никогда.

Только тебе

моя песня по нраву,

Только тобой буду бредить всегда.

Как бы мне выразить,

сколь ты желанна?

Встречи с тобою искал я давно.

Все, чем милы мне

чувашские Анны,

В облике сказочном воплощено.

• • •

Кем бы ты сегодня ни казалась,
Полюбил тебя я неспроста.
Никому душа не открывалась,
А с тобой —
как цветок, чиста.

Светел я — мечтанья оживают,
Многое даровано судьбой.
Почему же тень порой скрывает,
Словно осень,
взгляд открытый твой?

Почему невольно ты вздыхаешь,
Наглядеться вдоволь не даешь?
Иль, как встарь,
хозяином считаешь?
Разве на такого я похож?

Человеком быть хочу с тобою,
Другом, братом,—
и уже потом
Счастье долговечное мужское
Строить в нашем мире непростом.

Буду обнимать тебя, родная,
Так, чтоб страсть
расплавила года.
Эти руки не устанут, знаю,
Губы не остынут никогда.

Верь, тебя от гибели спасу я,
Окроплю тебя водой живой.

Сердца жар
вместу я в поцелуй,
Намилуюсь, надышусь тобой.

Что же дать ты мне взамен готова?
Чем прекрасны наши времена?
Иль ты мнишь,
что мне по нраву слово,
Как рабыня, жалкое,— жена?

Если тот, в ком это понимание
живо,
вдруг в трясину попадет —
Он заслужит лишь негодование
позор на имя навлечет.

Потому и думаю с опаской:
Ангел, змей ли ты?
Может, встретишь
При свете дня,
с радостью и с лаской —
ужалишь сладостно меня!..

• • •

Никто не махал мне рукою вслед.
Чужим показался мне берег родной.
По Волге плыву я.

Со мной тебя — нет,
Лишь образ любимый сегодня со мной.

Пейзажи, знакомые мне наизусть,
Все так же привычной милы красотой.
И в сердце я чувствую

странную грусть:
Наверное, мы неразлучны с тобой.

Твой голос высокий

мне грудь разрывал:
«Скажи, ты меня не покинешь одну?..»
Слова эти я поцелуем прервал —
Он клятвой поспешной пронзил тишину.

Для сердца ты сказкой волшебной была,
В которую нитью вплеталась печаль.
Вся жизнь моя вдруг предо мною прошла.
Я вздрогнул.

И стало мне прошлого жаль.

Как жаждал я светлое счастье найти,
Как был я раскаяньем часто томим!..
За прежние годы, родная, прости
Во имя грядущего.

Что же — за ним?

Лишь ты в моем сердце...

Но если и ты,
Подобно мгновенью земному, мелькнешь,
То, значит, — ушли и любовь и мечты,
Я прожил свое, — ничего не вернешь.

Не может быть этого!

Ты ведь — моя,
Ты — самая нежная в сердце струна,
Ведь чувствуешь все ты, что чувствую я,
Одна у нас жизнь и надежда одна.

• • •

Я вас любил...

А. Пушкин

Я так любил тебя...

И до сих пор
В душе огонь прекрасный не угас.
Быть может, оживит его твой взор —
И с новой силой
вспыхнет он сейчас.

Я так любил тебя!

То был готов
Обожествлять тебя, то ревновал;
То не хватало мне для чувства слов,
То голос мой
молчанье прерывал.

• • •

О поэте отчаянном ты не тревожься.
Если сердце его остывает подчас,
Ты, желанная, в нем все равно остаешься —
Так уж вышло, что песня — дорог заждалась.

Быть бы рядом...

Но быть бы и порознь порою —
Мне условность свободы, поверь, не нужна.
Ты прости, но любовь — это нечто другое,
Цепь с души неминуемо сбросит она.

Если я только в думах тебя сберегаю,
Путь мой сразу ложится намного ровней.
И уверенней голос тогда возвышаю,
И мечтанья становятся только ясней.

Мнится: ала на земле бесполезны усилья,
Нас двоих не сумеет никто одолеть.

Я с тобой себе вырастил сильные крылья,
Чтобы реять на воле,
в пространство лететь.

Мне бы взвиться и выше —
я жажду открытий —

Пусть эпоха меня призмывает всегда.
Может, где-то на грани неожиданных событий
Над землею моя загорится звезда.

Больше надо бы мне доверять вдохновенью.
Долог будет ли путь мой?
Что ждет впереди?

Но, высоты покинув,
вернусь к сожаленью,
Если веры в твоей не останется груди.

Вот поэтому ты не тревожься, родная,
Если сердце мое остывает подчас,—
Нелегко ему биться, красу прославляя,
Наших душ укрепляя незримую связь.

• • •

Не буду петь я больше никогда! —
Так сгоряча

покаялся я, признаться.

Но ты сияешь рядом, как звезда,
И начинается вечной песнь казаться.

Живу я долгим эхом наших встреч —
Им в памяти

во веки не стереться, —

И не могу я сердце не зажечь,
И не могу стихом не загореться.

Бумаги лист не значил ничего,
Но он в порыве

под руку попался —

И пламень разом охватил его,
И голос мой взволнованный раздался.

Впивают жадно буквы кровь мою
И ею до предела набухают.

И строки,

словно воины в строю,

Трепещущие стяги поднимают.

Я — полководец их, я вдохновен
Сражением отчаянным, бессонным.

Кто не сдастся —

будет побежден,

Я благосклонен ныне к побежденным.

Мне ль за победу ждать даров?

Зачем?

Свои права у слов, я это знаю.

Я голову свою ни перед кем

Не опускаю и не задираю.

А сердце я готов порой отдать

Тебе одной, капризнейшая муза.

Но вряд ли примешь ты его:

как знать?

Быть может, и свое тебе — обуза.

• • •

Дождь нарастал — как видно, неспроста —
И осень золотая помрачнела.
О, чьи же ненасытные уста
Тебя, родная, выпили умело?

На чьи колени жемчугом речным
Ты сыпала горстями свет сердечный?
Скажи, была ль ты счастлива с другим?
Уж он-то счастлив был с тобой, конечно!..

В деревне или в шуме городском,
В июльский зной или вьюжною зимою,
К тебе одной безудержно влеком,
Еще я встречу как-нибудь с тобою.

Мечтанья тобою оживлю:
Дыханья жар... Очей закрытых дрему...

Все вспомню, что давно в тебе люблю —
Ведь сердце и не может по-другому.

Я вспомню все — и выгоню за дверь,
Я все скажу — и с болью позабуду.
Иной отвагой полон я, поверь,
Иной удел грядет, иное чудо.

Кто знает? Песнь, что выстрадана мной,
Быть может, не состарится вовеки.
Но кровь не хлынет жаркою волной,
Блаженный трепет стихнет в человеке...

Когда-нибудь и ты, угомонясь,
Как ветер перед ливнем затихает,
Поймешь свою таинственную связь
С напевом, что сквозь осень прорастает.

В час одиночества, в чужом краю, в тоске,
Когда от дум поникнешь головою,
Ты вспомни: есть в далеком далеке
Душа, соединенная с тобою.

Есть сердце в мире этом — и ему
В пределах бытия не уместиться —
Горячее, подобно твоему, —
Легко ль ему вдали от друга биться?

★ ★ ★

Наконец-то заря заглянула в окно —
И негаданно ожил твой дом...
Не тебя я люблю. Не тобой уж давно
Я неадаптированным овеван теплом.

Так уж вышло — твой облик невольничко помог
Мне о женщине вспомнить другой.
И, смутясь, я понять захотел — видит бог —
Чем же схожи вы так меж собой.

С чем же сердце ее мне сравнить бы сейчас,
Что чуралось людской суеты?..
Есть растенья, что вовсе не радуют глаз,
Потому что не дарят цветы.

Но ее светоносное сердце — цвело,
И к себе она властно звала!

Что ж глаза опускаешь ты вдруг тяжело?
Знать, она тебя взором прожгла.

Что мне делать?

Ведь все это — правда, поверь.

Не сердись. Обижаться — не смей.

Ты на слабые плечи не извалишь теперь

Груз пронизанных радостью дней.

Коль остыла душа и ее не согреть,

То не цвет ты несешь,— пустоту.

Как ты сможешь в глаза мне без боли смотреть,

Если я пламенею в цвету?

Этот цвет мою душу росой окропит,

Будет в песнях грядущих воспет —

И туманную славу поэта продлит,

Если с ним неразлучен поэт.

Не утверждай, что люди забывают

О ближних, себялюбье не тая.

Жестокий мир

поэзия спасает,

Ей жертву принести обязан я.

И жертва эта —

мы с тобой, родная...

Узнать тебе об этом не дано.

Как трудно говорить мне, понимая,

Что сердце надвое разделено!

• • •

Ночь такую дано пережить,
только раз на земле,
Эта ночь — для сердец,
и останется в них, безусловно.
Соловьев миррады,
в бездонной невидимы мгле,
Заполняют окрестность
раскатами песен любовных.

Не за славу и честь —
от великой любви своей,
Вдохновенны, нежны,
над уютными гнездами милых
Не смолкают певцы
меж усыпанных цветом ветвей,
И у яблонь хмельных,
бродят соки янтарные в жилах.

О подруга моя,
 ну когда же я встречу с тобой?
Соловья моя,
 где гнездо твое, домик твой скромный?
Как завижу его,
 буду петь я порою ночной —
Смерти нет для любви
 и для песни моей неуемной.

• • •

Безлистый лес уныл. Бугристые поля
Раскинулись вокруг. Река ледком сверкает.
Ветрами в ноябре исхлестана земля.
И холод острее мне в сердце проникает.

Я мерану оттого, что нет тебя со мной:
Упрямо рвусь к тебе полуденной порою,
Зову тебя к себе в ненастный час ночной,
Безмерно одинок, оставленный тобою.

И в памяти — лишь ты... Услышанный душой
Сквозь ветер за окном, твой голос превращаю
В сулящую мне свет дорогу пред собой —
И песнь мою одной тобою оживляю.

* * *

Мне чутье подсказало, что это — всерьез,
Что сомненья тебя одолели.
И подушка мокра на рассвете от слез,
И глаза твои так потускнели...

Сиди с книгою, вдруг забываешься ты —
И молчишь, и глядишь отрешенно...
Знай же: мысли мои пред тобою — чисты,
Сердце в правде своей — непреклонно.

Пусть сумбурная жизнь нам разлуку сулит,
Разбрасает по разным дорогам,—
Взгляд чарующий чей-то меня не прельстит.
Говорю тебе как перед богом.

Видишь — я от тебя ничего не таю.
Ты поверь, что всегда ты — со мною.
Ты — цветок, исцеляющий душу мою,
Незабвенной зовущий весною.

* * *

Тьма кромешная.

Ветер лишь воет

Да кружится метель...

Ты больна.

Кто тебя исцелит, успокоит?

Я пришел. Я молчу у окна.

Видно, слово утратило силу,

Стало лишним.

И сам я таков.

Как бы, друг мой,

тебя исцелила

Кровь поэта, сочась из стихов!..

★ ★ ★

Вот я и в Волгу выплываю...
До встречи, милая, пора!
Тебя в мечтах я обнимаю.
Как ты была ко мне добра!

Я ощущаю то и дело
Биенье сердца твоего.
Чье вместе с ним забьется смело?
Тепло стихов — что взять с него?

Не огорчайся понапрасну,
Жди, как вдали ни тяжело.
Душа грядущему подвластна,
Мне в одиночестве светло.

И, видно, тверд мой дух не даром,
Хоть гложет мысль о хмуром дне.
Скажу привет я Чебоксарам
От той, что помнит обо мне.

...Едва я город увидал,
Едва с тобой сдружился,—
Чужим себе я сразу стал,
Тебе я покорился.

Ах, как стыдился я былых
Порывов безоглядных,
Боясь узнать приметы их
В словах своих нескладных!

Поэт влюбленный — глуповат:
Забывший о покое,

Готов я был идти хоть в ад,
Но только бы с тобою.

На все бы холодно взирать
Да совладать с душою,
Но чувство жгло меня опять,
Горячее, живое.

Уж не обижена ли ты?
Ведь только лишь — признаюсь —
Твои припомню я черты,
То мучаюсь и каюсь.

Простишь ты, коль достанет сил,
Иль проклянешь... Кто знает?
Как встарь, когда тобою жил,
Душа моя пылает.

★ ★ ★

Когда-нибудь в старости, грустной, порою.
Почувствую: память подводит, — но вот,
Чувашская девушка, встан предо мною,
«Узорчатый мост» для меня пропоет.

И я затоскую, и брошусь из дома,
Глаза опустив; и едва за порог —
Как молодость грянет подобьем грома —
О, с нею всю жизнь я не так одинок.

Я волосы вспомню — стихию хмельную,
В которой лицо утопало мое,
Как в песне. Представлю я долю земную —
И жалость мне в сердце вонзит острое.

Приметы апреля я вспомню мгновенно,
Экзамены, сад... И затихну, скорбя

Ах, не сетуй, Сетнер, на людей,
Смысла в этом не вижу я, право.

К. Иванов

• • •

В напеве этом столько дивной власти!
Знать, родина с чужбины позвала...
Тогда Сетнером каждый был отчасти,
Нарспи отчасти каждая была.

Начало жизни... Робость и отвага,
И радостей, и горестей пора!
Любимы игры были мне во благо
И школьные занятия с утра.

В двенадцать лет —
а может быть, в тринадцать? —
Проснулось чувство в сердце в первый раз.

В саду любимой мог я удивляться
Голубизне ее прекрасных глаз.

Сын бедняка, я все не мог открыться
Любимой,—

и немало пролил слез.

О, скольких же надежд пришлось лишиться
И сколько же обид стерпеть пришлось!

С какой надевкой душу попирала
Людская злоба, тягостно-тупа,
Когда во мне

бунтарство зажигала

Поэзии горящая щепка!

Мечтанье в сердце эхом отдается...

Но жизнь была, как злое колдовство,
И от любви

лишь память остается,

От чувства — очерк стершийся его...

* * *

О тебе в этот миг вспоминаю,
Голос милый в сознание звенит.
Кровь, шальной Курою вскипая,
Бьется в берег, что дымкою скрыт.
Берег — ты. Помни это, родная.

Солнца жар позабуду не скоро,
Но любовь горячее в груди.
И язык Руставели, и горы
Остаются, увы, позади.
Солнце Грузии в летнюю пору!..

О красавицы Грузии! С вами
Только солнечный свет и сравним...
Где очей твоих нежное пламя?
Ночь встает между мною и ним.
Я заветными полон словами.

Мне пора. Кетеван, до свиданья!
Как и я, ты в дороге сейчас.
Коль не свидимся — песнь расставанья
Станет тайной, открытой для нас...
Мне пора, Кетеван. До свиданья!

• • •
Ночь темна.

Ненастью дела мало
До зари моих минувших дней...
Вновь лицо,
что забываться стало,
В памяти забрезжило моей.
Было мне тринадцать лет.

Понятно,
Я тогда не думал, не гадал,
Что село покину. Многократно
Мир волшебный там я открывал.
Обретаю плавность поневоле
Мысли среди привольной тишины.
Помню стариков моление в поле,
Помню, ел юсман¹ я и блины.

¹ Юсман (чув.) — пресная лепешка.

На молитву я ходил порою,
Но зачем — не знаю.

Отчий дом

Был тогда давно уже, не скрою,
Равнодушен к йэреху¹ с крестом.
Ночь темна.

Ненастье разгулялось.

Утро жизни вспоминаю вновь.
Там с девчонкой русой начиналась
Молчаливая моя любовь.

¹ Йэрех (чув.) — злой дух.

Наивностью и юностью моею,

Всем тем,

чего нельзя предугадать...

Ах, почему с годами все труднее

Таким, как прежде, быть?

Кто может знать?

• • •

Дождь отшумел, суля разлуку.
Разбухший скользяк тротуар.
Ты уезжаешь.

Дай мне руку —
Напрасный и бесценный дар.

Давно уж за полночь.

Наверно,
Мне до рассвета не уснуть.
Воспоминанье — достоверно.
Не жди. Прощай.

Мне скоро — в путь.

Такси случайное упрямо
В безбрежной сырости шуршит.
По всей округе,

что ни яма —
Похлебка грязная урчит.

• • •

Была ты не первой, последней не станешь...
Но только сейчас я сумею сказать:
Со мной ты слилась и вовек не отпрянешь,
Ночей моих свет и речей благодать.

Дыхание Родины, духа стремленья
В груди моей живы — им годы не в счет.
Но нет для тебя в этом мире сравненья,
И сердце согласия с другой не найдет.

О времени грозном поющий сурово,
Всегда возрождался я в буйном огне.
Но лишь о тебе я не молвил и слова —
Заветной звездой ты сияла во мне.

Бродяга беспечный, актер прирожденный,
Без масок и грима я жизнь познавал.

Я многое видел: и холод бессонный,
И ливни, и ветер, что бил наповал.

Я спал на обочинах, злой и усталый.
Скитался упрямо в чужой стороне.
Чем был я для мира? Пылинкою малой.
Но ты убеждала: судьба — в новизне.

Я так бесшабашно испытывал долю —
На лодке, сквозь бурю, к ночным огонькам...
Изведал я грусть и безмерную волю,
Внимая очам твоим — тайным цветкам.

Была ты не первой, последней не станешь.
Но сердцу с годами ты только родней.
Со мной ты слилась и вовек не отпрянешь,
Ты — крылья души беспокойной моей.

ОКНО

Мне с юностью свиданье суждено.
Я помню дом — и в нем одно окно.

В нем коридор — длинней и уже нет.
Остался там моей любимой след.

Поведать мог бы старый этот дом,
Как ночи коротали мы вдвоем.

Чтоб до зари скорее добежать,
Часы старались каждый миг считать.

Счастливые не наблюдают их,
А что уж говорить о нас двоих!

Сиянье счастья шло из полутьмы,
И времени не замечали мы.

И было на душе у нас светло,
Закрытое окно нас берегло.

И длились поцелуи за окном,
И старый дом был полон волшебством.

Жизнь так жестоко разлучила нас,
И мир предстал пред нами без прикрас.

Раскрылись окна судеб наших вдруг,
И тосковать нам было недосуг.

Мир для меня стал близким и родным,
Она его увидела — своим.

Одной тропой шел по жизни я,
А у нее — давно тропа своя.

Но свет окна с годами все сильнеей
В далеком доме юности моей,

И никогда не позабыть его...
Там половина сердца моего!

• • •

Одну страну из многих я любил
На свете, что в скитаньях познается.
Где б ни был я, без устали твердил:
Лишь для нее вот это сердце бьется.

Привыкший берег милый покидать,
В чужих пределах тосковал я снова...
Нет, не случайно стал я понимать:
Мне не прожить без Адала родного.

Его холмистый, глинистый уют,
Его леса в великолепьи роста
Всегда в обличье новом предстают
И надоесть душе не могут просто.

Его струенья, право, не унять,
В нем — столько откровений ежегодно...
На что все это можно променять
Мне, по миру бредущему свободно?..

* * *

Ее он давно
и так чисто любил,
Но все не решался
ей в этом признаться:
Боялся,
чтоб почку он вдруг не сгубил,
Весенним теплом
ей давал надышаться;
А после,
когда зеленела листва,
Дыханье горячее
сдерживал, маясь,
Чтоб зелень
ни губы не жгли, ни слова,
Лишь взглядом
к любимой порой прикасаясь.
Теперь он вздыхает:
страдал я — за что?

• • •
Ну вот и осень.

Ночь смутна.

Стенает ветер в окна,
Разбитой дверью тарахтит...
Что мне до них!

Симпья кипит.

Я за столом один.

Я пью

Напиток сей — тоску мою.
Пусть каждый медленный глоток
Напомнит мне

как я далек

От милой, юности моей,
От всех знакомых и друзей,
От всех надежд,

чей теплый свет

Жить помогал в горниле лет,

От счастья, радости, любви,
От силы, чуемой в крови,
От славы хладной...

Ночь. Я пью

Один, у света на краю.

* * *

Ты мне вспомнилась нынче — и лира,
Что давно уж привыкла молчать,
Отзываясь на радости мира,
Всеми струнами стала звучать.

Ах, не это ль — мое вдохновенье? —
Пронизала догадка меня.
Что ж так долго я ждал исцеленья
От хандры, от ненастного дня?..

Если послана Муза судьбою
И лицо мне явила свое —
Пусть она будет схожа с тобою!
Как иначе мне верить в нее?

• • •

Как теплый дождик летним полднем,
Поспешно минула любовь.
Не упрекай. Прощай!

Лишь вспомним —
Боль ощущаем в сердце вновь.

Как ветер в полдень изменился,
Переменялись чувства вдруг.
Коль путь иной тебе открылся,
Тревожить рану недосуг.

Как в полдень плеск волны прибрежной,
Воспоминание прошло.
Пускай.

В печали неизбежной
Раскаянье мне тяжело.

* * *

Снова пух тополиный летает
На исходе горячего дня.

Легкий ветер

его развевает,

Обвевает тебя и меня.

Вей же, ветер, в лицо мне сильнее!

Мысль, затягивай узел прочней!

Как же петь мне?

Да так, как умею:

Все — о жизни, о доле моей.

...Пух развеется.

Время настанет —

И плодами заполнится сад.

Только молодость наша отпрянет,

Дорогая, куда-то назад.

Иль там, где ветел и черемух сень,
Цветы сорвав, от солнца прячась в тень,

Слегка касаясь твоего плеча,
От всей души беспечно хохоча,

Владелица берета, я с тобой
Гулял бы...

Что за ветер над волной!..

ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД ПЕРЕВОДОМ

Откуда взяться сну?

Неужто вновь

**Былое, возникая предо мною,
Сон в явь привносит, будоражит кровь,
И мне уже совсем не до покоя?**

**Глаза, в которых трудно угадать,
Чем голос жив, душа жива родная...
Как заставляла тяжело вздохнуть
Та женщина-чувашка? Я не знаю.**

**Народа мощь душевная, жите
В мученьях в горе, миновавшем ныне,
Не проступили ль сквозь лицо ее,
Как на экране,
в сумрачном помине?..**

В распахнутую форточку ко мне
Снег ранний залетает.

Тишиною
Пронизанные липы — в стороне.
Окрест собаки лают под луною.

Под лампой том «Онегина» раскрыт.
Молчу над пятьдесят седьмой строфою*.
Друг, прав поэт, когда он говорит,
Что все мы таконы.

И мы с тобою.

* Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.

А. П у ш к и н. «Евгений Онегин». Глава I,
строфа LVII.

• • •

От людей я слышать привык:
«Что ж ты холоден, точно лед?
На стихи твои глянешь — вмиг
Иней веки насквозь проймет».

Что сказать им и как сказать?
Как умел, я им отвечал:
Где отвагу былую взять?
Милой нет, чтобы пылким стал...

Нежный пламень сердечный чей
Жар подарит строке моей?
Кто полюбит меня — ей-ей,
Навсегда я останусь с ней.

Может быть, отлюбить успел?
Может, к мысли привык такой?

Плод у доброго сада — спел,
Как известно.

Так что со мной?

Где плоды мои?

Как сумею

Их отвесть?

Когда? Потом?..

Я хочу и любить, и петь,—
Значит, заново все начнем.

• • •

Звездами-глазами, не мигая,
На меня все время смотришь ты...
Что ты видишь?

Кто ты, дорогая?
Что тебе дают твои мечты?

В памяти хранишь ты, несомненно,
Разные сказания.

Пойми:

Наша жизнь отнюдь не откровенна,
Осторожной надо быть с людьми.

Сколько же тебе наговорили
Горькой правды и нелепой лжи?
Коль мои былые годы были
Слишком легковесными,— скажи.

В том сегодня каюсь, дорогая,
Что в бесплодном я горел огне,
В том, что, сердце певчее сжигая,
Он поэта убивал во мне.

Лишь тебя я слушаться желаю
В этот день, в неслыханной тиши.
Лишь тебе отныне посвящаю
Нежность долгожданную души.

Звездами-глазами, не мигая,
Смотришь на меня ты...

Что ж, прозрей:

Будь моей надеждой, дорогая,
Доброю наперсницей моей.

* * *

Придет или нет?...

Там время мчалось,
Слух так устал я напрягать!..
Нет, ты, увы, не постучалась
Сегодня в дверь мою опять.

О чаровница! Повторяю
Я имя нежное твое,
На строфы душу разрываю,
Но не приходит забытьё.

Твои на стенах слезы
В мечтанья входят каждый раз.
О, как мне вынести все это,
Как успокоиться сейчас?

Живое чувство, разгораясь,
Меня наполнило давно.

Напевы, грустью отдаваясь,
С ним неизменно заодно.

Придет ли?... Что за наважденье!
Меня измучили, пойми,
По этой комнате хожденье,
Молчанье это за дверьями.

Куда ты скроешься? Отныне
Тебе закрыты все пути,
И завтра с губ твоих в гордыне
Сорвется тихое «прости».

«Прости», —

ты скажешь, дверь толкая,
Войдешь, так сердцу дорога.
Шагну навстречу, рассыпая
Перед тобою жемчуга.

«Прости», —

ты плащик светлый снимешь.
Его повешу я. И вдруг
Подумаю: ну как воспримешь
Моих смятенных чувств недуг?

«Прости», —

присядешь ты, вздыхая,

Своим присутствием пьяня.

О, как замучила, родная,

Ты ожиданием меня!

В ГОСТЯХ

Цветок невиданный в окне —
«Бухар-кани».

Я чуда жду.

Я — гость бюлерский. Ясно мне,
Что я отсюда не уйду.

Глаза хозяйкины светлы —
И косы в руку толщиной.
Плечам не надо похвалы,
Мелькают ножки предо мной.

Что за тазет!* Как на подбор
Гирлянды раковин блестят.

* Тазет — национальное женское украшение с раковинами.

То со двора, то вновь во двор
Снует она сто раз подряд.

Ах, что за счастье! С алых уст
Слова слетели — нет нежней.
Был целый мир для сердца пуст,
Пока не встретились мы с ней.

А в жбане с дужкою двойной
Уже сбродила марсала *—
Медвяный дух ее волной
Успел плеснуть на край стола.

И чаша полная кипит,
Как в сказке, появившись вдруг,
И на столе уже стоит
Набитый кашею индюк.

Красиво локоть изогнув,
Хозяйка чарку подняла
И, прямо мне в глаза взглянув,
Такие речи повела:

* Марсала — медовый напиток.

«Гость — в радость. Гостю — тав и чыс**.
Пусть жизнь пойдет своим путем!..»
И марсалы ручьи лились,
Кипеньем заполняя дом...

Я — гость Бюлера.
Ясно мне,
Что я отсюда не уйду.
Цветок невиданный в окне —
«Бухар-кани».
Я чуда жду.

+

** Тав и чыс — благодарность и честь (чув.)

• • •

В неделю последнюю марта шального
Заковывал ночи ледок голубой...
Пусть жизнь моей песни и каждое слово
Отныне согреются только тобой.

На Волгу приехала ты издалека,
Мгновенное счастье доставила мне.
И снова — разлука.
Мне так одиноко.
Все дышит тобою в ночной тишине.

Прощайте же, смутные женские чары,
Речей откровенность, сердец забытья!..
Гостиница, март за окном, Чебоксары —
Здесь память моя и блаженство мое.

• • •

Твой взгляд со мной повсюду.

В добрый путь!

Пылает сердце.

Ревность жжет норой.

Увидимся ль еще когда-нибудь

В огромном этом мире

мы с тобой?

Тебя закрутит жизни толчея,

И вряд ли вспомнишь

обо мне хоть раз.

Тебя забыть —

уже не в силах я,

Но...

Что тебе до этого сейчас?

Отныне будь по-своему права.

Не дам тебе я счастья.

Все забудь.

Твои же вспоминаю я слова:

По-гречески я — Камень.

В добрый путь!

★ ★ ★

Видений давних череда,
Из мглы сознания возникая,
Мне сердце ранит, как всегда,
В напев размеренно вступая.

Гляди на облако в окне,
Судачь с капелью по-соседски
И плачь в душевной глубине,
Молясь о будущем по-детски.

Шагни на мокрый тротуар,
Дружи с весною неумемной,
Прими земли бесценный дар —
И возвращайся в угол темный!

• • •

**«Пусть для нас будет ночью любви эта ночь!» —
Ты промолвила и на меня поглядела.
Потолку удержаться на месте невмочь —
Вверх взмывает, как легкий платок, то и дело.**

**Звезды в небе искрятся, летят с высоты
К нам на плечи, в ладони, сердца обжигают —
Но мерцают меж ними две синих звезды
Перед взором моим — и к себе призывают.**

**Закружилась Земля и рванулась из тьмы,
Нет преград для движения — вдруг понимаем.
Прочь с дороги, луна!
Сторонись! Это — мы,
Мы для племени нового путь пролагаем.**

* * *

Все, кто любили, и все, кто кляли,
Все, кто в душе моей истинно живы,
Все вы сегодня на пир мой пришли —
Как одеяния ваши красивы!

Празднество наше — прощанье со мной,
Вспыхнул мой дар несказанным сияньем.
Сколько вас, девы!.. Я предан одной —
Быть ей немеркнущим воспоминаньем.

С нею танцую и с ней говорю.
Тысячи женщин врата осаждают.
Сердца поющего, — с ними горю
Жаждой великою, — пусть отстрадают.

Страсти источник ищите смелей —
Пусть разольется целебная сила!

Сердца разбитого, друг, не жалея —
Станет с годами целее, чем было.

Пью я за вас, — ведь, лицо приоткрыв,
Вы завораживать сразу умели —
И, продолжая давнишний порыв,
В честь вашу строки призывно звенели.

Пью я за вас, — вы мерещились днем,
Ночью мучения мне причиняли.
Лед бытия расправляя огнем,
Вы безрассудства души укрощали.

В честь вашу вечером этим кипит
В кубках высоких блаженства напиток.
Молодость, пей! — За безмерность обид,
Подлинность тайн, беспредельность попыток!

Ночи Вальпургиевой пестрота
В центре — я, Фауст. И — в хаосе света:
«Эй, Мефистофель! Чаша пуста —
Останови же мгновение это!»

* * *

Поверь, еще к тебе я возвращусь.
Коль не найдешь в стихах свой образ ясный,
Не упрекай меня, впадая в грусть:
Мой мир — широк, и это — мир прекрасный.
Поверь, еще к тебе я возвращусь.

Я не скажу, что ранить столь грешно,
Мгновенья ради, сердце человечье.
И вовсе не мгновение одно —
Любовь. И вот в стихах, живущий речью,
Вернусь к тебе — так, видно, суждено.

Где ты сейчас? Как прежде, весела
Иль горечь одиночества познала?
Куда б судьба меня ни увела,
Позаян куда б ни призывала,
Вернусь к тебе. Будь и вдали светла.

**Пойми: эпоха голос мне дала.
Коль от нее услышу порицанья.
Не позабудь: ты часть души взяла
И строк моих сдержала ты дыханье...
Но я вернусь. Лишь только б ты ждала.**

1922

1935

Когда
прояснится

**Дальше, дальше, жизнь моя, вперед.
Подниму я имя родовое.
В почву вросший, вскинусь в небосвод
Крепким дубом с шумною листвою.
Дальше, дальше, жизнь моя, вперед.**

* * *

В мире этом любая живая душа
Расцветающей рада весне.
Кровь по жилам бежит, отогреться спеша,
И слова мои — словно в огне.

Оживает природа —
и я пробужден,
Сердца юного мне не сдержать.
Звезды, густо усеяв ночной небосвод,
Начинают к себе призывать.

Нет предела мечте окрыленной моей.
«Будь всегда откровенен с людьми,—
Мне поуще сердце твердит все слышней,—
Жизнь едина для всех, ты пойми!»

• • •

Под дубом высоким лежу
В дремучей чащобе лесной.
Сквозь ветви густые гляжу —
Кукушка поет надо мной.

Кукушка, пророчествуй, пой!—
И все же меня пожалей:
Сколь долгод мой век молодой,
Скажи-ка ты мне поскорей.

Ну что же еще предстоит
Увидеть мне в жизни моей?
И что там кукушка тамт,
Скрываясь во мраке ветвей?

Но, вещее слово сказав,
Кукушка не шутит с людьми.
Не выдержать, правду узнав,
Душа твоя может, пойми.

ПОЭТ

Пока в сознание выкуешь слова,
Покуда этих слов почувешь связь,—
Горит душа, крылата и жива,
Пылает сердце, углем становясь.

Чтоб песнь твоя, печальна и светла,
В сердцах людских струной отозвалась,—
Угадывая тайны ремесла,
Ее ты кровью пишешь каждый раз.

Чтоб рдеющего угля жар и пыл
Читатель твой воочью ощущал,—
Не буквы на листке ты выводил,
А пригоршнями пламя рассыпал.

Вот так — всегда. Нельзя угомонить
Биенье мысли, голос естества.
По-вашему, поэтом — просто быть?
Как бы не так! Подумайте сперва.

* * *

Проходит светлый день,
ночь темная грядет.
Так наши дни летят,
за годом год идет.
Вчера ребенком был,
в одежде — хуже нет.
Как странно, что сейчас
мне восемнадцать лет!

След белый молока
был на губах, — но вот
На подбородке — глянть —
пушок уже растет.

• • •

Зардевшееся солнце опустилось,
В рожь перепел нырнул.

Придется ждать,
Чтоб в темном небе
звезды засветились,
Чтоб ясный месяц снова увидеть.

К плетню в дремоте робко прислонилась
Береза. Тихо.

О, мой сельский край!
К душе взываю:
«Что бы ни случилось,
Ты мир, как будто сказку, ощущай».

Вороний грай
покой земли тревожит,
Совы рыданье тянется в луга.

**Но человек
проклясть ее не сможет
И посчитать однажды за врага.**

**Благословен простор, где то и дело
Повсюду видишь
жизни торжество.**

**Прислушайся —
оляха прошелестела:
«Не обвиню ни в чем я никого».**

СТАРИННАЯ СВАДЬБА

Марфе Трубиной

Хлопья вьюги неустовой в поле летят.
Колокольцы бушующей свадьбы звенят.

Мать с отцом на дитя свое смотрят сквозь снег.
Ах, нигэ, слишком короток девичий век.

Радость птицею рухнет, закончив полет,
Горе — высушит, в землю с тобою уйдет.

Ах, ровесница! Слез бесполезных не лей,
Покрывало раскрыто над долей твоей.

Белизна покрывала, хушпу в серебре,
Как старик Тахтаман, злющий муж во дворе.

Год за годом пройдут, отзвенят, отшумят —
Вот и дети на лавке усядутся в ряд.

Каждый мамою тихо тебя назовет,
Горе с маху тебя под себя подомнет.

И глаза, что могли, словно звезды, сиять,
Западут,— и тебя ни за что не узнать.

И коса, растеряв по избе волоски,
Поредеет от мужниной грубой руки...

Хлопья вьюги неистовой в поле летят.
Чья же свадьба сейчас? — Колокольцы звенят.

Плачет девушка. Песня горька и стара:
«На чужой стороне мне не будет добра...»

Свадьба эта — веселье отринутых дней,
Даже шыбырь * хмельной не заплачет на ней.

Может, лучше и мне, чем все это писать,
Шыбыр взять попросту и всюю заиграть.

* Шыбырь — музыкант, играющий на шыбыре —
пузыре.

★ ★ ★

Наверное, таков уж мой удел:
Меня поэтом люди называют.
Я рос меж них, для них и петь хотел,—
И ликования сердце не скрывает.

Ты, ветер, не рыдай и не томи,
Ты, речь моя, будь чистой и простою.
И в радости, и в грусти —
я с людьми,
Я связан с ними кровью и судьбою.

Звезда ли упадет с высоты —
Ее, горюя, взглядом провожаю.
В ненастье ли повалятся цветы —
О нежности загубленной вадыхаю.

А к вечеру, едва шагнешь во двор,
Над головою — гуси вереницей...

И нет покоя в доме с этих нор,
И смотришь в небо раненою птицей.

Знать, есть благословенные места,
Где ждут меня земли моей щедроты,—
И рвется к ним горячая мечта,
И тайн не счесть — лишь выйди за ворота.

По вечерам учусь я у луны
Ее невозмутимости.
Признаюсь:
Когда стихи в мои проходят сны,
Я всякий раз их записать стараюсь.

Заря ли слышит песню соловья
Иль солнце утром в избу проникает —
В черты природы вглядываюсь я,
И мир чудес всегда меня встречает...

ПИСЬМО

Н. Я. Яковлевой

Нынче лето. Изобилье света
Вас утешит, отогнав печаль.
Лишь мой голос, заплутавший где-то,
Не успел откликнуться... А жаль.

Знаю я: Вы с думою своею,
В ясный полдень, в тишь и благодать,
Впрямь себя нисколько не жалея,
К Эндже * направляетесь опять.

Может, Эндже больше не сомкнется
Над моей худящею спиной.
Босиком побегать не придется
По траве душистой луговой.

* Эндже — название реки.

С матерью когда-то приходилось
Борозды прокладывать и нам.
Мать стара.

Что делать! — так случилось:
Утомить ее успел я сам.

В старости душа ее тревожна,
И растет тревога, видит Бог.
Не любить ребенка невозможно,
Будь хорош ребенок или плох.

В час, когда пора доить корову
Вечером, — я чувствую — она
Говорит с обидой давней снова:
«Где ж ты бродишь? Я совсем одна...»

За окошко смотрит молчаливо.
Коль ворота станет вдруг шатать
Ветер, — сразу выйдет торопливо,
Сына приготовившись обнять.

Кто же я сейчас?.. Ведь я не скрою
Сердца боль, возросшую вдвойне.
Чебоксары матерью второю
Кажутся сегодня в мире мне.

• • •

Предрассветная сннь, разрастаясь,
Задувает звезды огонек.
Столб тумана маячит, шатаюсь,
Осторожный сквозит ветерок.

Конопля с молчаливою ленью
Пьет росу — ей-то все нипочем,
Как чудесно в такие мгновенья
В ней украдкой ходить нагишом!

Жеребенком бы чутким резвиться;
Чтоб тропа из-под ног унеслась!
Нет, былому нельзя позабыться,
Благодарен ему я сейчас.

По меже мне бежать не придется,
Серп забыт... Ранит душу мою
Вдох отцовский — и в ней остается.
Песнь полей я напрасно пою.

* * *

Озера гладь подо мной, как стекло.
Сердцем вбираю вечернюю тишь.
В темной воде замирает весло,
Шепчет о чем-то дремотный камыш.

Старая ива поодаль стоит.
Чудом забредший сюда ветерок
Волосы мне на лету шевелит
И покачнуть успевает челнок.

Берег — как блюдо из глины сырой.
Душу мою омывает вода.
Этому миру вечерней порой
Зло и обиды прощаешь всегда.

* * *

Еще в округе — талая вода,
Игольчат ветер, темен лик земли,
И слышен хруст подтаявшего льда.
Ах, если б это вы понять смогли!

А летом, в час, как вечер настает,
Метелка перезревшего овса
Свирелью тонкой на ветру поет.
Послушайте — хотя бы полчаса.

Осенним утром дымкой пруд объят.
И гуси, собираясь улетать,
Особенно пронзительно кричат.
Мне хочется вам это передать.

Зимой — иней у коня на лбу
Иль храп его — напомнят мне не раз
Всего живого общую судьбу.
Но как все это выразить сейчас?..

ЧУВАШСКАЯ ВЫШИВКА

Н. Шубосеин

Лишь для тебя, родное мастерство,
И полотно, снегов густых белее,—
Стихов, рожденных утром, торжество.
Благославляю и благоговею!

Неужто я об этом промолчу?
Уже сожмется сердце, замирая.
Я в слове ясном выразить хочу,
Какое чудо — вышивка родная.

Рубашку я недавно увидел
В знакомом магазине, в Чебоксарах.
Ну кто ее так щедро вышивал?
Посмотришь — и подумаешь о чарах.

АТТИЛА

(Фрагмент)

...На Рим! И степь уже от возгласов дрожит,
И валится ковыль под хищными клинками.
Сквозь солнце плещет кровь и к западу бежит,
Высокий небосвод кольцом объяло пламя.

На Рим! Пусть гаснут здесь последние костры,
Пусть пленницы вокруг бессильно затихают,
Клокочущих страстей принявшие дары —
И семя гуннов в их утробах набухает.

На Рим! Опять — ловить арканами коней...
Свист, ржание, призыв, — привычная забава.
Вождь вышел из шатра — на свете нет грозней.
Навстречу вопль людской летит:

«Аттиле — слава!»

На Рим! Как ураган — передний аргамак.
Сухих кустов шары.
В порыве — все едины.
Грив космы. Звон тетив...
Сдержать — нельзя никак.
У каждого седла — кусок сырой конины...

• • •

В природе — полосы и пятна:
Лоскутья облака редуют,
Лес изумруден, половодье
На Волге кончилось уже...
Растаял в дымке Нижний. Песня
Щедрот благого мира зреет
В груди — и плещется рекою.
Ты не старей! — скажу душе.

Нельзя стареть в такое время!
Какое б горе ни случилось:
Поссоришься ли с давним другом,
Погибнет веры ли зерно,—
Но этой только ли причине
Сивозь голос твой печаль пробилась?
Поэт, в грядущее уверуй,
Для сердца дорого оно.

За ним вдогонку мчаться — счастье.
Коль скажешь ты: «Догнал его я», —
В плену окажешься жестоком,
Надежд не сможешь оправдать...
О нива разума и дара!
Струны мерцанье золотое,
Зажгись звучаньем сокровенным,
Сердца способным покорять!

* * *

Черный вечер да белый снег.
Вьюги блоковской наважденье...
Заплутает в ней человек,
В колдовском пропадет круженье!

Ветер, ветер...
Нет сил удержать!
По щелям колобродит, воя,
Налетает — и сразу вспять,
В сумасбродстве химеры строя.
Беспокоит, бросает в дрожь,
Как в преддверии увертюры;
Так стихи назревают — ждешь,
Только брови сдвигаешь хмуρο;
Проверяешь согласие струн,
В лабиринтах застыв молчанья,
Входишь сердцем в немой канун

Неизведанного звучанья;
Ищешь слово, разворошив
Некий хаос,— мятежен, дик.
И — пришло!..
О, доселе жив
Непокорных стихий язык!
Тверже шаг! Налегай сильнее!
Слушай музыку — путь непрост.
Вдохновение — только в ней,
Лишь она вознесет до звезд.
Только в ней твой талант прочней
Укрепитя и выйдет в рост.
Черный вечер да белый снег.
То ли блоковской, то ль моей
Вдох зимы...
Надежды ковчег
Не погиб средь мирских зыбей.
Черный ветер — до зорь разбег,
Белый снег — до весенних дней.

• • •

Любовный ковш наполните, друзья,
Наполните, наполните скорее!
Ну вот и осень.

Только знаю я:
Не встретились мы с осенью моею.

Вновь по краям дорожной колеи
Лежит листва в печали безнадежной.
Но помните, ровесники мои:
Я только крепну с верою тревожной.

Люблю я ветер эту порой
За то, что он прохладу навевает.
И вместе с тополиною листвою
Вся хворь моя куда-то улетает.

В те дни, когда, предвидя забвенье,
Наряд природа сбрасывает разом,

Растет сердцебиение мое,
Душа и мысли крепнут с каждым часом.

Шуршащий лес, пустынные луга,—
Вся прелесть мира и разнообразность —
Поэту бесконечно дорога,
И ею дорожить — отнюдь не праздность.

Я осень принимаю.

Значит, я

С зимою скорой встретиться сумею.
Любовный ковш наполните, друзья,
Наполните, наполните скорее!

★ ★ ★

Я деревню далекую помню так ясно,
Кособокою эту избу на краю.
Там хозяйка, состарясь, мечтает напрасно:
«Ну когда же невестку приму я свою?»

«До какой же поры мои руки устало
Будут сери поднимать?» —

слышу тихий вопрос.

Вижу кровлю, где сгнившей соломы так мало,
Огород, что давно лебедою зарос.

Упрекает, наверное:

«Сын мой любимый

Не присмотрит за домом, видать по всему...»

Ну а я, ее сын,

я, пространством томимый,

Где бродяжу по свету — и сам не пойму.

Сам не знаю теперь: хорошо или дурно
Мать бросать и скитаться незнамо зачем.
Сердце рвется на волю так пылко, так бурно!
Кто удержит его при себе насовсем?

Туркестанская степь предо мною дымится,
Старый курд молчаливый ведет караван.
Легок я на подъем.

Где же мира границы,
Если он, словно дар, мне, смущенному, дан?

Прежде был я иным —
признаю, это верно,
Надвигал на затылок домашний ялкас *.
Этим нынче другие займутся, наверно,
Очень рад я за них —
подчеркну, и не раз.

Раньше слишком земные ценил я пристрастья,
Но сегодня решительно с этим порвал:
Ведь в поэзии крепнут крыла —
это счастье!—
И возносят к высотам, где встарь не бывал...

* Ялкас (чув.) — домашняя войлочная шляпа.

Я бабу кособокую издавна знаю,
И с хозяйкой ее я, похоже, знаком.
Клеть, покрытую редким лубком, вспоминаю
И навес со слагою, и тишь за окном.

Каждый лыка кусочек, по мне разрыдавшись,
Замирая.

Каждый лист не отнять у души.
Видно, Бог повелел, чтоб хозяйка, заждавшись,
Без невестки состарилась в этой глуши...

МЕТЕЛЬ

**Заметает... Невозможно
Разлепить замерзших век.
Так безбрежны, так тревожны
Ветер, поле, тучи, снег.**

**Как стерпеть мне долю эту —
Странствий блажь, бездомниц бред,
Колесить по белу свету,
Где придется, столько лет?**

**Захудалого сельца бы,
За метелью — огонька,
Залежалого сенца бы
Для усталого конька!**

**Не подскажешь ли, возница,
Где бы время скоротать.**

Чтоб напрасно не томиться,
На округу не роптать?

Самовар бы в жаркой дрожи,
Да картошки, да к огню!
Ну-ка, дай, возница, вожжи —
Сам немного погоню.

Так метет, что невозможно
Разлепить замерзших век.
Так безбрежны, так тревожны
Ветер, поле, тучи, снег!..

Что за вести ветер прячет
В проводах? Того и жди —
Может, счастье замаячит
На дороге впереди?

Непутевую, шальную
Где я голову склоню?
И к добру я не ревную,
И беды я не виню.

Иль на нож нарвусь разбойный
В чужедальной стороне?

Иль с любовью беспокойной
Суждено спознаться мне?

Иль с годами дар мой страстный
Станет мукою сплошной —
И умолкнет голос властный
В одночасье с сединой?

Иль, не выдержав гонений
Нашей критики лихой,
Убегу от вдохновений
И покончу я с собой?..

Замечает. Невозможно
Разомкнуть замерзших век.
Все — мятежно, все — тревожно:
Ветер, поле, тучи, снег.

Сиктерие *

* Сиктерие — родное село поэта.

Г. Т. АЛЕНДЕЮ

Проходит жизнь. Дни юности моей,
Подобно половодью, миновали.
То праздник был.
Я стал теперь трезвей,
Былое рвенье берега сдержали.

Эй, Алендей! Как юность хороша,
И сколь ее чудесны впечатленья!
Тобою вдохновленная душа
Поет,— дай мне свое благословенье.

Я помню: много было нас тогда,
Юнцов беспечных, данников азарта,—
Тех, кто, ночуя где-то, никогда
Не знали, где они проснутся завтра.

А время шло.
Романтику забыв,

Я нынче затвердел, как лед зимою,
Хотя родник по-прежнему бурлив —
Кастальский ключ с целебною водою.

Да, он не замерзает искони,
Тот песенный родник — и с ним мы живы.
Песнь дедов обновится в наши дни,
Меня продолжит внук, — все справедливо.

И понял я, что на земле моей
Материя живая неизменна.
А я, навным будучи, на ней
Какие-то предвидел перемены...

Нет вечного: рождение, жизнь и — смерть,
На всех людей одна у нас обитель.
Но жив Гомер. Хайяму ли не петь?
Живут да Винчи, Рафаэль, Пракситель.

О, если бы так мне было жить дано!
Все в юности мы — Гамлеты немного.
Брыкайся жеребенком — все равно
В извечные оглобли — и в дорогу.

Оглобли эти — повседневность, друг!
Крестьянства корни крепкие — у Музы,
О вечности ей грезить недосуг,
Нездешний облик для нее — обуза.

Ведь в жилах у нее текут не зря
Земли родимой соки.

Что за диво!

Поверь: она прекрасна, как заря.
И как страна моя, трудолюбива.

Идиллии здесь нет. Но этот дом
Дворцом труда мне кажется порою.
И словно пчелы в улье за окном —
Мои мечты. Их от тебя не скрою.

Лежит на старых полках гряда книг.
На стенах —
это целый мир —
портреты.

Со мною нынче могут каждый миг
Беседовать любимые поэты.

Собратья по перу меж ними есть,
Они теперь — цепи единой звенья...

**Тебя принять я, друг, почту за честь —
Так навести меня в уединенье!**

**Осенней ночью предо мной встает
Былое время с удалью особой.
И дружба — словно молодость: войдет —
И вновь обратно.
Догони, попробуй!**

**Я жду — проведай.
Для моих друзей
Мой дом распахнут.
О, единоверцы,
Вы все сегодня — в памяти моей,
Вы дороги душе моей и сердцу.**

Сиктерне

Любимому другу

Ах, если сердце как цветок,—
Нам не до осени, конечно:
Нам — свой наверстывать бы срок,
Судьбу испытывать беспечно.

Нам кажется, что дням весны,
Любви и счастью — нет предела,
И силы тратить мы должны
Безжалостно и оголтело.

И я, Любимый Друг, бывал
Как раз таким — теперь не скрою.
Что ж! Юность, как девятый вал,
Сметала все, звала с собою.

Себя я вовсе не щадил.
И вряд ли смог бы по-другому.
Я как верблюды выносив был,
Тем более — вдали от дома.

Непрост был редкий отдых мой —
В песках совсем не до веселья.
Когда страдаешь ты — иной
Готов подсунуть горечь зелья.

Не стал я пить его тогда —
И вот горжусь душой сохранимой.
Во мне не таял никогда
Надежды пламень неустанной.

И вера выросла давно
В единство опыта и слова.
Быть может, мне и суждено
К застолью приобщиться снова.

У сердца крепость не отнять,
Рассудок здрав и полон света...
В тот час, как начал вспоминать,
Сложил тебе я песню эту.

* * *

Земля чужая. Дом чужой.
Береза — тоже. Слышен вой
У стен картофельного склада.
Собака ходит на цепи,
Напоминая мне: терпи,
Ведь жизнь — и горечь, и отрада.

Когда в темнице ты, извне —
Как в сказке, все — милей вдвойне,
Там все прекрасно и... тоскливо!
Собаке тошно. Даже ей
Не выскажешь тоски своей
Во власти смутного порыва.

Эх, волкодав, не надо слез.
На что ты жалуешься, пес?

**Мрак. По спине прошли мурашки...
И песнь моя, очнувшись вдруг,
Замкнет с собачьей цепью круг,
Как бы в смиренной рубашке...**

ДАЛЕКИМ ДРУЗЬЯМ

Простите, что руки не подал вам.
То лихолетье нам не позабыть.
В душе — огромный долг.

Я знаю сам,
Что никогда его не оплатить.

С годами все несносней тяжкий гнет,
Глаза — в слезах соленых,
мозг — в огне,
Как будто хищный беркут тело рвет,
Впивается когтями в сердце мне.

Влачу я долг,
как узник — цепь в тюрьме,
Поняв, что это — горькой доли знак,
Внутри себя ношу, как бы во тьме,
Но... сбросить не могу с себя никак!

Пусть эта цепь мне сердце обовьет —
Сердечным ранам будет что сказать
О каждом друге:

жив ли, вести ль ждет,
Событий смысл сумел ли он понять?

Душа, как птица, рвется из силков.
Навытяжку стоял я —

стыла кровь —
Без сна и пищи сотнями часов,
А падал — били, поднимая вновь.

Мне тоже довелось кирпич глотать,
В углу холодном замерзать не раз.
Да разве все?

Не буду вспоминать —
Не удивлю я никого из вас.

Но никогда и никого, друзья,
Не продал я, спасая лишь себя.

Одною мыслью утешаюсь я:
Пред вами чист я.

Вас зову, скорбя.

Дай бог вам сил, родные!

Может быть,

Мой голос в вашу даль не долетит,

Но вы меня сумеете простить.

Надежда — с вами,

вера — сохранит.

И, чтоб б не приходилось делать вам,—

Дробить ли камень,

лес ли корчевать —

Быть только чище вашим именам

И человечность всюду сберегать.

Умерший — будет помниться всегда,

Обнимет всех родных своих — живой.

На свете Ленин есть —

и никогда

Его не спрячут где-то под землей.

Я — ваш, друзья мои.

Настанет час —

Сказать сумею я за всех сполна.

Безвинных — вас,

горевших ярко — вас

И время оправдает, и страна.

ВЕЧЕРНИЕ ТЕНИ

Если день отшумит
вместе с сонмом обид и забот —
И забудешь о них,
словно в мире их попросту нет,
Если снова луна
в тишине над Кавказом взойдет,
Разливая холодный,
свинцово-серебряный свет,—
Непонятно откуда,
безмолвны, сквозь пенье сверчков,
Появляются тени давно миновавших веков.
Точно вдруг
неизвестно куда отодвинулась ночь —
И гуськом друг за другом,—
как тучей летит саранча,—

По ущелью проносятся всадники —
 всем им невмочь —
В наступлении головы
 встречным срубает сплеча.
Стон и плач, рев и песни
 то гибель, то славу сулят —
Это Азия встала. Дороги не будет назад.

Человечество к западу
 катится грозной волной...
Род мой в лоно Европы
 прыгается кровью хмельной,
Плодовитее семени — нет, и поэтому он
Необуздан и дик —
 и к победам, как вихрь, устремлен.
Только после — веками ему
 будет знать не дано,
Что два слова —
Аттила и Адал —
по сути одно.

Гбилиши

• • •

Прячься, грусть, поглубже, не мешай.
Пусть вернется радость в милый дом.
Коль живой душе приволье — рай,
В тесноте измается потом.

Только ль это мозг, душа и кровь...
Есть мечта — и манит за собой:
Ураган в сознание будит вновь,
Сердце гложет жадною змеей.

Волны Черноморья — шатуны
Молодость напомнили мне вдруг.
Я бродил просторами страны:
То Восток, а то — далекий Юг.

Силы было — некуда девать.
Цель — весь мир. Как Гамлет, был я горд.

Все мечта. А жизнь успел узнать —
Палуба, вокзал, теплушка, порт...

Прячься, грусть! Не дай мне, боже, здесь
Въявь увидеть путь недавний свой! —
Разрыдаюсь, истомившись весь,
Даже с умудренной головой.

ОБРАЗ

Тебя природа наспех создавала.

Что делать ей с ошибкою своей?

Хватило б твоего материала

На нескольких, я думаю, людей.

Да, ты добра —

но злишься то и дело,

Приветлива —

и слишком уж черства.

Ты не глупа —

сказать могу я смело —

Умна, бесспорно.

Кругом голова

Идет порой от дерзкого порыва —

И вдруг уже строги твои черты...

Сказать, пожалуй,

будет справедливо:

И Азраил, и ангел — это ты.

• • •

Ты сказкою ко мне вошла
И сказкою уходишь снова.
Но, кем бы в жизни ни была,—
Поклона не забыть земного.

Проста сегодня речь твоя:
«Пойдешь со мною ты. Так надо».
Выходит, все же вправду я?
Тебе смущенье — не преграда?

Спасибо, нежная! — Хотя
Нелегкой доли не скрываю...
Где б не узрело свет дитя,
Его уже благославляю.

Жаль, не увижу я его.
Напомни дочери иль сыну:
Любви отважной торжество —
Его рождения причина.

• • •

Любимая моя! Мне говорила мать,
На языке родном три незабвенных слова,—
Вот так же и тебя мне хочется назвать,
И стан твой гибкий сжать в объятьях
крепких снова.

«Ман ылтаң сүпкәнам!» *

Ах, золотая гроздь!

Любимая моя!

Ребенок наш жить будет вместе с нами,

Давая грудь ему,— прошу сегодня я —

Ты назови его заветными словами.

* Моя золотая гроздь (чув.)

* * *

Опять ты о моем народе говоришь,
О родне моей ты, друг мой, вопрошаешь.
Что ж, вот лицо мое:
вглядись в седую тишь,
В глубь сердца посмотри — ты многое узнаешь.

Из тьмы времен восстав на дряхлый
род людской

Мы сдобрили свой путь жестокой,
крупной солью

Мы — хунны.

Шлейф степей оставив за собой,
Тоскуем до сих пор по дикому раздолью.

Крупица соли той, впитавшей битв угар,
Я таял в тех котлах, где кровь кипела наша.
Я болгаром был встарь, я кроток был — и яр,—
Но днесь для всех полна земли чувашской чаша

1944

1945

Тысяча
из гостиницы

Гусей протяжный крик над осенью
без края...
Солдат ушедших песен,
тревожась, вспоминаю.
Во мгле седых небес над сердцем
пролетайте,
Земле моей поклон, скитальцы,
передайте.

ЖУРАВЛИ

**Мы залегли в бурьяне и в пыли.
Замолкла к ночи канонада.
И только пролетают журавли,
Курлыча грустно, к Сталинграду.**

**Расстроенный гортанный голос птиц,
Нет-нет и затрубит вожак их.
Летят они вдоль Млечного Пути
Туда, за море, в край свой жаркий...**

**О журавли! Далеко, далеко ваш путь...
Пусть мне под утро — снова к бою,
Но жалко вас: вам негде отдохнуть
В полях, повыжженных войною.**

**Рокочет где-то самолет вдали.
Рокочет наш. Знаком по звуку.**

**Вы можете спокойно, журавли,
Лететь под ним, даю поруку.**

**До скорого свиданья, журавли,
Лететь вам далеко-далече!
Весною на полях моей земли
У нас иная будет встреча.**

**Пока же — равнодушный Млечный Путь
И звезд холодных мириады,
Тоска, что до утра не даст уснуть,
И зарево над Сталинградом...**

* * *

Грезит ночь. Из комнатного плена
Вырвалась мелодия Шопена.
И в раскрытое окно палаты
Залетела, трепетна, крылата.
Грустное, ночное что-то влилось,
Но светло на сердце становилось.
Вспомнилось, что в детстве я о звездах
Думал как о певчих птицах в гнездах:
Вот вспорхнут, я думал, звезды-птицы,
Чтобы песней звонкою залиться.
Так Шопена сердце вдруг запело,
Ожерельем звездным зазвенело.
Нежные, чарующие звуки
Успокаивали боль и муки.
Слушал я, и только мне, казалось,
Музыка в признаньях изливалась.
Но под ропот струн иная сила

Мысль мою, волну, уносила:
Видел я закат на Волге мирной,
Заливных лугов простор обширный;
Видел смуглых девушек на лодке,
Слышал смех их сдержанный и кроткий...
Чувство родины, святое чувство,
Без тебя как было б в сердце пусто!

ЖЕНЩИНЕ

В бою, в походе, на привале,
У партизанского костра —
Всегда тебя мы вспоминали,
Подруга, мать, жена, сестра!

И если в роте или в отряде
Была одна — ее очам,
Ее волос волнистой пряди
Слагали песни по ночам.

И если приходили письма —
Солдат был к канонаде глух:
С какой тоской читали их мы
И перечитывали вслух!

Слова сердечные, простые,
Любя, волнуясь и скорбя,

Нам говорили о России,
А в ней мы видели тебя.

Тебя, жена, сестра, подруга!
Тебя, тоскующая мать!
И заклинали мы друг друга
Идя на смерть, не умирать.

* * *

Дожди, дожди... Лежи и жди!
Как будто кто-то малой дозой
Больной земле дает глюкозу —
И день и ночь... Дожди, дожди...

Теперь в сосновый бы уют,
К черновикам, сверчку и кошке.
И чтоб узоры на окошке,
И песню слушать бы твою.

Но вижу я, закрыв глаза,
Грязь, хлябь, размытые траншеи;
Пурга, и тает снег на шее,
И не по времени гроза...

И там друзья мои идут
Вперед, упрямо стиснув зубы;

**Небриты щеки, пальцы грубы...
Благословен их тяжкий труд!**

**Они, они — не кто иной —
Сквозь ад и гром, сквозь смерть и тленье
Несут отраду исцеленья
И мне и всей земле больной.**

* * *

За окном палаты —
Золотая осень.
Знаю, не ждала ты,
Не гадала вовсе.

Не гадал и сам я
Там, в житейской сече,
Что вот этой самой
Пулей буду встречен.

Думал — не отлита
И не отольется...
Вадрогнула ракета,
Почернело солнце.

Красною росой
Окропились травы...
Я ль над силой злою
Суд тлорить не вправе?

* * *

О, как красноречива ты
Была в молчании своем,
Когда до полной темноты
Сумерничали мы вдвоем!

Родных весенних песен звон,
Что раздавался по селу,
Был так давно забытый сон...
Ты грустно слушала в углу.

Зажгла ночник. И тень твою,
Скользнув, застыла на стене.
И молча, нежность не тая,
Подсела тихо ты ко мне.

• • •

Былого покоя не зная,
Три лета и столько же зим
Живу на войне я, родная,
Любовью твоею храним.

Со мною зимою и летом,
Цела и сохранна всегда,
Спокойно-зеленого цвета
Моя полевая звезда.

Она озаряла мне дали.
Какой мы прошли с нею путь!
Какое мы горе видали!
Порой бы не грех и вздохнуть.

Но это потом. Эшелонам
Пока что на запад идти.
Для них семафором зеленым
Звезда открывает пути.

Пусть на радость плодам, на ветру
Опыленные вянут цветы:
Будет день — и, тревожная, вдруг
Улыбнешься спокойно мне ты...

**Твой портрет всегда, ведае со мной
В офицерской сумке полевой.**

**Степи, горы, реки, переправы...
Ты обстрелена не меньше, право.**

**Нынче я в больничной тишине
Говорю с тобой наедине.**

**В час, когда роятся звезды в парке,
И в палатном бледном полумраке**

**Отавенит курантов дальний бой,
Я держу тебя перед собой.**

**И ты видишь, как старушка-няня
Дремлет чутко, сидя на диване.**

**И ты слышишь, как вблизи сквозь сон
Прорывается невольный стон.**

**Мне тогда ты кажешься, не скрою,
Самую заботливой сестрою.**

• • •

Воробьи расчирикались яростно,—
То ль ругаются, то ли поют.
Хорошо б прокатиться под парусом,
Навсегда кинув койку свою.

Свежий ветер — оттуда, из Киева —
Тормошит деревцо. А к чему?
Кипарис одинокий! Тоски его
В этот миг не понять никому.

Где же, где же ему, одноногому,
Реки, море и горы пройти.
А мечтает, мечтает о многом он
И не верит, что нету пути.

Воробьи расчирикались яростно,
Перемену погоды суля...
Хорошо прокатиться под парусом:
Я у паруса, ты — у руля.

* * *

Я прислушался к птичьему гомону,
Он похож на журчанье ручья.
Как ты там, ожиданием скована,
Речка горная, злая, ничья?

Подо льдом равнодушия так же ль все
Ты несешься навстречу весне,
Хлопоча о кремне, что отважился
К твоим струям прильнуть потесней?

Так же ль катишь, гранишь его, пестуя,
И готовишь к конечной судьбе,
Чтоб разборчивой строгой невестой
Взять его в ожерелье себе?

Я хочу, чтоб течение быстрое,
Закружив, увлекло меня в путь,
Чтоб кремню и последнюю искрою
В твоей капле последней сверкнуть!

* * *

Кипарисы в снегу. Это так необычно,
Тая тоскливо их видеть склоненными вниз,
Словно каждый из них пойман с чем-то поличным.
Устремленный вчера лишь легко и привычно
Гордой готикой в синюю высь.

Встрепенулись деревья, лишь первые капли
Засверкали, и что ни мгновенье — крупней.
Снег, спасаясь, сползал тихо хлопьями пакли.
Отряхнулась и вверх взмыла зелень. Не так ли
Ожил я от твоих слов-лучей?

* * *

Письма с Севера напомнили,
Что есть праздник — Новый год.
И стаканы мы наполнили,
Отрешившись от забот.

Вышло все не по обычаю:
Среди гипса, шин и гирь,
Без стихов, без тостов вычурных
Поднимали мы чихирь.

А чихирь наш был классический —
В дни младенческие лоз
Автор «Балы» саркастически
При свечах сражался в штосс.

Да чихирь был тот! Оценишь ты,
Пропустив едва глоток:

**Молодой, задорный, пенный,
Как стихов живой поток.**

**Коль обет дала себя блюсти
И никто тебе не мил,
Ты прости меня на слабости:
Я твое здоровье пил.**

* * *

Госпитальный Харитоша,
Твой конверт передавая.
Говорит мне: «Все от той же...»
Будто может быть другая!

«И какой хороший почерк!» —
Добавляет он лукаво.
Хоть графолог он не очень,
Но ему я верю, право.

Он, кто носит скорбь и радость
С явной гордостью мальчишки,
Он, наверное, по взгляду
Знает, кто кому что пишет.

Мы прощаемся. На память
Мне приходит поневоле,
Что невинными устами
Только истина глаголет.

• • •

Синее небо. Солнце выше.
Спокоен гордый кипарис.
Что видишь ты в окно, что слышишь?
Где бродишь сердцем? Отзовись!
Тебя не помнить я не в силе:
То юной Зоей под Москвой,
То Ярославною в Путявле
Встает твой образ предо мной.

* * *

Венецианское окно.
Задумчивые кипарисы.
Пока туман не испарится,
Мне больше видеть не дано.

Но помнится: поредет мгла —
И над призывной синевой
Увижу ту я, кто со мною
Хотела быть... и не смогла!

Туман унес мою мечту,
Тоски щемящей не развеяв.
А мысли все ясней, трезвее...
Война — чистилище. Я жду.

КИПАРИС

То часовым перед рассветом,
То выхваченным в ночь клинком
Мелькнет под заплутавшим ветром
За незавешанным окном.

То стынет мудрецом он в думах,
Чуть слыша моря карнавал,
Далекий, равнодушный к шуму,
Что так когда-то волновал.

То — дирижером перед хором:
Жест плавный, легкий взмах, кивок;
С печальным, но спокойным взором
И, как Чайковский, одинок...

• • •

Когда я тосковал один
Под сводами старинных башен,
Мой госпитальный карантин
Тобой одною был украшен.

Благодарю тебя, мой друг!
Куда б ни вынесло волною —
Неразделима ты со мною,
Как с кеманчой своей — ашуг.

• • •

Война вошла мне в кровь и плоть,
Ее не вытравить с годами.
Пусть сердце превратится в камень —
Осколка не перемолоть.
Но вдохновение, любовь,
Бессмертье песни — все отдам я,
Чтоб только не услышать вновь
Мужского страшного рыданья.

* * *

Кипарисы закивали.
С моря дует не на шутку.
О родных мечтая далях,
Ветру я внимаю чутко.
Пусть крепчает! Сердцем вторю
Расходившемуся морю.
Мне пора б уgomониться,
Кипятком бурлить доколе?
Да, пора войти в границы,
Быть благоразумней, что ли,
Кровь смирить, что так бунтует...
Только меры не найду я!
Вот таким и буду: влюбчив,
Непоседа, враг покоя...
Ветер с моря. Скрип уключин.
И в волнах на лодке — двое.
В шторм и в штиль, как видно, вправе
Лишь любовь той лодкой править.

• • •

**Прислонилась. Потерлась щекой о щеку.
Заглянула в глаза, отстранившись слегка.
Знала, верила: снова в тоске привлеку
И — в восторг превратится тоска!**

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

В. К.

Как облака чудесно превращенье!
Я вижу то верблюда, то коня.
Уж близок вечер. Канули в забвенье
Все мелочи угаснувшего дня.

Я к землякам пришел в село родное.
И встретила меня старуха мать.
Хлопочет, рядышком сидит со мною,
Боишься, что я вдруг уйду опять.

Здесь на лужайке пир у нас богатый.
Стоит кувшин на праздничном столе.
А солнце разбросало в час заката
Сандаловые брызги по земле.

За изобилье тост я поднимаю,
За наш колхоз и дом родимый мой.
Тебя, моя подруга, вспоминаю.
Как жаль, что нет тебя сейчас со мной.

Мать догадалась о моей печали,
Так где ж ты, беспокойная душа?
Я пью и вижу — это засверкали
Твои, твои глаза на дне ковша.

И снова сердце что-то взволновало.
Не за калиткою ли ты стоишь?
Не щелкнет ли щеколда, как бывало,
Нетерпеливо, весело?.. Но — тишь.

Над крышею Медведица Большая,
Как этот ковш, что опрокинут мной.
Пусть жизнь всегда сияет нам такая,
Как Млечный Путь, широкий и прямой.

Все тянется вечерняя беседа.
Я — гость и мне наказ нелегкий дан:

Того попробуй, этого отведай...
А вот я наш прославленный ширтан¹!

Вкусней стократ народа спутник давний,
Когда он — плод артельного труда.
Так пусть же в жизни изобильной, славной
Не сходит со стола он никогда.

Сижу я поздно с матерью своею.
Луна над нами словно круглый сыр.
И для старушки нет минут светлее:
Я с ней — ее неугомонный сын!

Но где же, где же ты в минуты эти?
Нет от тебя ни писем, ни вестей.
Когда б к тебе слетал наш теплый ветер,
Ты слышала бы вздох души моей.

Доносится с насеста шелест перьев.
В молчанье чутком стынут небеса...
Я жду тебя, люблю, и значит, верю,
Коль смог стихотворенье написать!

¹ Ширтан — род колбасы из баранины.

ГЛАВЫ
ИЗ РОМАНА
В СТИХАХ

Семья Антракит

Днем и ночью то дождем, то градом
Сыплется свинец в ненастный час.
Хорошо, что ты, родная,— рядом,
Хорошо — что вдалеке от нас.

НАПУТСТВИЕ

Атнер, сынок, присядь со мною.
На плечи руки положу,
Свое я детство озорное
В глазенках черных разгляжу...

Когда я начал повесть эту,
На свете не было тебя,
И, может, без меня уже ты
Начнешь читать ее, скорбя.

Благословляю, сын любимый,
Единственный наследник мой!
Мое богатство — край родимый,
Язык певучий и живой.

Чтоб это уберечь наследство,
Я не щадил труда и сил.

Резвись! Твой смех, забавы детства
Я щедро кровью оплатил.

Пусть сверстники твои не знают
Ни мук, ни горестей войны,
Пусть их минует доля злая
Тех, что в бою опалены.

Снаряды пусть не четвертуют,
Пусть не калечит их огонь,
Пусть не придется на мосту им
Тянуть беспалую ладонь.

Пойдем, Атиер! Перед тобою
Лежит еще нелегкий путь.
Вперед же! В мире нет покоя.
Ты вечным тружеником будь!

Спеши, мой мальчик, но, увидев,
Что есть идущие быстрее,
Ты мелкой не давай обиде
Точить, как червь, души твоей.

Не ставь им поперек дороги
С досадой, черной, как бурьян,

Что зимовал на перелогѣ,
Не будь тщеславьем обуян.

О юность, ты самолюбива
И, сил своих в расчет не взяв,
Потоком пенным, бурливым
С порогов падаешь стремглав.

А зрелость об ошибках тужит,
Узнав, где путь лежит прямой...
Идем и, словно горб верблюжий,
Груз прошлого несем с собой.

В нем слиты и печаль, и радость,
Усталость после троп крутых,
В нем — и твоих свершений сладость,
И горечь промахов твоих.

В нем все — и то, чем сердце нежишь,
И то, что угнетает дух,
Его не скинешь, не отрежешь
И не излечишь, как недуг...

Ты с грузом пусть соизмеряешь
И с поворотами пути.

Мученье, коль один шагаешь,—
Нигде подмоги не найти.

А каравану непрерывно
Идти вперед... Цель далека,
Но впереди звенит призывно
Литой бубенчик жожака...

Иди же в ногу с караваном,
И помощь в трудный час придет.
Шагай упорно, неустанно,
Вперед, Агнер, всегда вперед!

НАТАЛИ ВЫШИВАЕТ

На сорочке вдруг цветы
Расцвели.
Для кого кладет кресты
Натали?

Холст домашний, как снежок,
Ровен, бел.
Вот на нем еще стежок
Заалел.

Красный шелк — огонь в крови,
Чувств прибой,
В алой нитке — знак любви
Молодой;

А в зеленой — мурава
Или лес;
В желтой — солнце; синева —
Глубь небес.

Есть в узоре черный шелк —
Знак земли.
В каждой нити видит толк
Натали.

Свой у вышивок язык,
И они
Говорят не хуже книг
Искони.

Рукоделье — волшебство,
В нем — мечты,
И любовь, и торжество
Красоты.

В нитях — полночь и рассвет,
Смех и стон
Для того, кто в их секрет
Посвящен.

С кем же иглы разговор
Завели?
Для кого кладет узор
Натали?

Нынче с озера Хасан
Весть пришла.

Не с того ли Антраман
Весела?

Орден Педер, друг ее,
Получил.
Написал в село свое —
Не забыл.

Намекнул, что будет здесь
К Октябрю.
«Что ж, коль не обманет весть,
Подарю...

Для сомненья нет причин —
Письма шлет...

Только кто же их, мужчин,
Разберет!

Знаменит... Не нам чета
Парень стал.

Про награду неспроста...
Нос задрал».

Кровь отхлынула от щек.
Прочь покой.

«Может, встретится еще
Друг с майрой¹.

Уж тогда прощай жених
Навсегда.

Есть красавицы среди них.
Вот беда!»

Сердце девушки стук-стук,
И она

¹ Майра — русская девушка.

Наколола палец вдруг —
Кровь видна.

Палец — в рот, конец шитью.
«Ох, злодей!»
А рубашку — на скамью
Поскорей.

Отдышалась. «Не пойму,
Где тетрадь...
Надо нынче же ему
Написать!»

* * *

«...Словом, белый лист черня,
Я пишу...
Без тебя не вижу дня.
Верь, прошу...

Шлет тебе салам колхоз
В дальний край,
Поздравлений целый воз —
Принимай!

Мне ж обычай вот какой
По нутру:
За уши тебя, родной,
Я беру

И целую много раз
Храбреца...
А теперь читай рассказ
До конца.

Хвастать нечем мне пока,
Но — расту.
Поднялась на три вершка
В высоту.

Раньше трактор я вела,
А сейчас
За комбайнера пошла —
Выше класс.

По-хасановски ходил
В бой Сумбай,
По-ударному косил
Мой комбайн.

Нами держится весь мир.
Так ведь, да?
Знай, тобой, мой командир,
Я горда.

Мы по-старому живем...
Приезжай
К той поре, как соберем
Урожай.

Если верность кое-кто
Сохранит,
То его здесь кое-что
Удивит.

Выдам тайну до конца,
Так и быть!
Постараюсь молодца
Наградить.

Коль вернется холостым
К Октябрю,
Рукоделием своим
Одарю.

Много девушек теперь
Едет к вам...
Будь же верен мне и верь,
Друг мой, сам.

Тот герой, кто и любовь
Бережет,
Как страну, которой кровь
Отдает.

А изменщик?.. — На груди
Ордена,
Да душа, как ни крути,
Всем видна!

Что ты скажешь, дорогой?
Верен взгляд?
Не давали мы с тобой
Страшных клятв,

Но тебя я только жду —
Это знай.
Зреют яблоки в саду...
Приезжай!..

Как ответить мне, какой
 Стала я? —
Нужен не листок такой,
 А статья.

Изменилась? — Да, мой друг.
 Жизнь идет.
Все меняется вокруг,
 Все растет.

Кое-кто у нас в селе
 Стал мечтать,
Как Ангелина, в Кремле
 Побывать...

Написала я длинно —
 Выходной...
Вот бы вечером в кино
 Нам с тобой!

Поскорее свой ответ
 Мне пришли.
Комсомольский привет!
 Н а т а л и».

* * *

Погадала, как ей быть:
«В клуб пойти?
Вот письмо бы опустить
По пути...»

«Что ж, — подумала она,
Решено!
Хорошо ли убрана
Для кино?»

Разглядев своих волос
Завитки,
Недовольно морщит нос:
Коротки!

Две бороздки меж бровей
Натали.
Что за думы там их ей
Провели?

А смотреть со стороны —
Егоза.

Ум и смелость в ней видны,
Смех в глазах.

Птицей к зеркалу с шитьем —
«Поглядим!»
Что-то вспыхнуло огнем
На груди.

Подбородком воротник
Придержав,
Потянула в тот же миг
За рукав.

Словно флаг, горит не зря
Полотно:
Жизнь, любовь, огонь, заря —
Все красно!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Жар. Бабушка и внучка дома.
Старуха над чулком корпит,
А внучка над любимым томом:
Ваялась перечитать «Нарспи».

Перед взором не страницы —
Люди, судьбы их, года...
«Звонко с желоба струится
Родниковая вода...»

«За водой идет девица,
На тухъе горит коралл...»
Том захлопнулся у чтицы,
Звонкий голос прозвучал:

«Хочу спросить я, азанне,
А что это за вещь — коралл?»
«Да бисер из морских камней.
Тухъю видала? Вот на ней,
Бывало, кто ни вышивал
Из этих камешков узор...
А то еще и весь убор
Из них был: камни покрупней
На бусы, на браслеты шли.
Носили их, кто познатней,
И пуще глаза берегли.
Есть желтый, розовый коралл,
А чаще, словно кровь, он ал...»
«Голубка, азанне, тухъю

Ты не покажешь мне свою?»
«Тухью? На что тебе тухья?
Подружек хочешь удивить?»
«Коралл хочу увидеть я...»
«Ну что ж, достану, так и бмть.
Проветрить кстати, просушить...»

У старухи на цепочке
Уйма ключиков, ключей.
Где-то короб на замочке.
В нем приданое у ней.

Бабка связкой позвенела,
Ключик, нужный ей, нашла.
Не откладывая дела,
Поднялась из-за стола.

Натали рукою машет:
Что-то пальцы затекли...
«Совершив учук¹, чувашки
На дуга косить пошли...»

¹ Учук — полевое моление чуваш-язычников.

Вновь загадочные строчки.
Что бы значили они?
Натали, прочтя до точки,
Ждет прихода Сабани.

Та вошла, неся охапку
Серебра, сукна, холста.
Виден шубор¹, лисья шапка
И расшитая фата.

Сверху что-то вроде шлема.
То тухъя, как жар, горит...
«Вот, разложим на столе мы...» —
Бабка внучке говорит.

Шельгеме², хушпу³ тут были,
Сары⁴ — всякое добро.

¹ Шубор — летний женский кафтан с борями.

² Шельгеме — нагрудное украшение из серебряных монет.

³ Хушпу — головной убор замужней чувашки из серебряных монет.

⁴ Сары — богато вышитая набедренная повязка.

На иных вещах от пыли
Потускнело серебро.

Натали, еще не глядя,
Но услышав стук дверей
И шаги старушки сзади,
Обратилась тут же к ней:
«Скажи, ты знаешь что такое
Учук? Прочла, а не понять». —
И, щеку подперев рукою,
Уткнулась в томик свой опять.
«Вон что ты вспомнила. Учук!
Учук — моление. На луг,
Поближе к речке, в ясный день
Сходились мы из деревень.
Жаль, память стала коротка...
Кололи, помнится, быка,
Водою окатив сначала,
Чтоб он встряхнулся и богам
Угодна наша жертва стала
И боги подобрили к нам.
Потом, прося добра народу,
Молитву наш чукпусь¹ творил...

¹ Чупусь — жрец.

Не помню, что он говорил,
Лицом оборотясь к восходу,
Но помню, яства он крошил,
Плескал он жертвенное пиво
На луг, где весь народ стоял.
Так он усопших поминал,
Чтоб им и нам жилось счастливо...
Когда готов был суп и каша,
К котлу и бочке шли чувашки.
Всем выдавал старейший долю,
И ели мы и пили вволю...
Потом водили хоровод,
Невест высматривали нарни —
В учук знакомился народ...
Вот вспомнилась какая старь мне,
Совсем заговорила я.
Взгляни-ка, вот она, тухья!»

Лишь сказать она успела,
Встрепенулась Наташа,
На кулак тухью надела,
Руки начкая в пыли.

«А где ж коралл тут, азанне?»
«Да весь узор — коралл к кораллу».

**«Макушка тоже?» — «Да!» — «А мне
Тухъя к лицу была б, пожалуй...»**

**Пыль с тухъи смахнув платком,
Натали бочком, бочком
К зеркалу подобралась
И примеркой занялась.
Что-то чувствует она,
Чем душа ее полна?
У какого же народа
Шлема ратного подобье
Детской прихоти в угоду
Надевают? Смолкли обе.
Видно, бабке Сабани
Вспомнились иные дни.**

**«Ай-вай, красавица моя!
Такой точь-в-точь была и я...»
«Ты про Нарспи слыхала?» — «Да.
Не часто в прошлые года
Чувашки замуж выходили
За тех, кого они любили.
Но все-таки, кто посмелей,
Те сами выбирали мужа.**

Не то сиди да слезы лей.
С немилым жить — нет доли хуже.
Сама я смелая была.
Росла далеко, за Пюлером,
А замуж вон куда пошла...
Твой дед был ловким кавалером.
Хоть и за сотни верст село,
А счастье все ж ко мне пришло...»

Натали не до примерки,
Замечталась и старушка.
Из старинной табакерки
Табаку берет понюшку.

«Вот как чихнула!» — «Будь здорова!» —
«Спасибо, милая... А к слову,
Ты видишь, правда-то моя!
Все, все как было помню. я.

Был дед красавцем... Всякий скажет.
В Пюлер на ярмарку привез
Свои изделия на продажу...
Гребенки, прялки — целый воз.
И я была там. Покупала
Веретено. Как глянул он,

Так, помнится, мне жарко стало.
Не вижу я и веретен.
Не знаю, как я торговалась:
Другое было на уме.
Дед уговаривать умел —
Я так у воя и осталась.
Поладили мы с ним, но все же
Меня, я помню, горе гложет.
Я некрещеная была,
Семья б меня не отдала.
Мне горько, внученька, до слез,
А дед твой подступил всерьез;
Веди к отцу, мол, Савнэби, —
Меня так звали до венчанья.
В ответ я: «Дела не губи —
Напрасны все твои старанья...»
Как поступить? Решилась я:
«Прощай, отец, прости, семья!..»

«Как интересно, азанине!»
«Постой-ка, дай закончить мне!
На пароход мы сели с дедом,
Сюда приплыли. Здешний поп
Нас не венчает. Впору в гроб

Ложиться девке. Парню — следом.
Как туча свекор, а свекровь
И не скрывает нелюбовь.
С ума, мол, спятил мой сынок,
Ямчницу нам приволок,
Мол, осрамил на всю округу...
Чего не стерпишь ради друга!
Проплакав ночь, я покорилась
И в старой кадке окрестилась.
Все тихомолком от родни,
Чтоб уж одна была обида.
Мне дали имя Сабани,
По-письменному — Степанида.
Когда мы кольцами менялись,
Набились в церковь стар и млад.
А после на чувашский лад
Мы свадьбу справить постарались.
Чтоб не гневить богов Пюлера,
Сняла я перед свадьбой крест...
Да, много было нас, невест,
Менявших ради друга веру...
Потом в семье меня простили,
Как водится, благословили
И стали в гости наезжать —

Отца уговорила мать...
Как заболтались мы с тобой.
Прости меня, о Пюлех мой!»

Усмехаясь, наша бабка
Свой наряд взяла в охапку.
Тут до слуха Натали
Звуки музыки дошли:
Кто-то вышел в сад со скрипкой.
Внучка молвила с улыбкой:
«Уж не роятся ль пчелы нынче? —
На скрипке кто-то заиграл...»
«Да это дед... Его обычай...
Чтоб рой от нас не улетал,
Он скрипкой услаждает матку.
Да как, хитрец, играет сладко!..»

НАТАЛИ — МЕДСЕСТРА

В белом козьем полушубке,
В белых валенках она,
Не беда, что воин в юбке, —
Важен факт — в бою видна.

Сбоку — сумка. Красный крестик.
Небольшая кобура.
И тебе со всеми вместе
Воевать пришла пора.

Здравствуй, милая девчонка!
Всяк тебя приветить рад —
Старший с ласкою: «сестренка»,
Младший с радостью: «сестра».

А солдат бывалый прямо:
«Дочка! Ты ведь молодец!»
А бывает, даже мамой
Назовет иной боец.

Назовешь, когда ты ранен,
Кровь течет и взгляд погас...
Нам заботливым вниманьем
Жизнь она дарит подчас.

В самом деле, ты в атаке,
Лег за пень, свиреп и глух.
Взрывов яростные знаки
Поднимаются вокруг.

Ты — за пнем, стреляешь смело.
В ста шагах окоп врага.
Вдруг свинцом тебя задело,
Боль в плече, в крови нога...

Вьется бинт. Нога, как в лубе.
След кровавый на снегу.
Ты подумал, стиснув зубы:
«Ну, теперь я жить могу».

Уж в глазах не стало света,
Не поднять бессильных рук.
Смутно слышишь пистолета
Прерывающийся звук.

Ты очнулся. На порубке
Каска с дыркой видна.
Рядом — в белом полушубке,
В белых валенках — она.

С этих пор, как знак зарубки,
Все дальнейшее житье.
Будешь помнить в полушубке,
В белых валенках — ее.

Натали такого склада, —
Маята для молодца,
И улыбка, как награда,
Будто орден для бойца.

И солдат, скажу, немало
Здесь она лишила сна.
Только, зная, не замечала,
Знать, не видела она...

Не затянет время — заметить
Облик милый, хоть давно
Это было, — крепко в память
Дело врезалось одно.

Был мороз — косил железом,
Галки мерзали на лету,
И лежал в полях белесых
Наст, похожий на плиту.

Стужи мы не замечали,
Лишь чернели на ветру,
С каждым боем мы крепчали,
В пот бросало, как в жару.

**В дымке высились деревья,
Батальон напрягся весь.
Неказистая деревня,
А атак, поверьте, шесть.**

**Пули пели, пушки били,
Раз ходили, два и три,
В штыковой два раза были —
Победи или умри!**

**Немцы падают и наши,
Стынет ужас в стеклах глаз,
А война идет и пашет,
И запахивает нас.**

**И рванулись мы с опушки
Через речку и овраг,
И из этой деревушки,
Наконец, был выбит враг.**

**Ели снег железный, хрупкий,
Брали с поля-полотна.
И мелькала в полушубке
В белых валенках она.**

Сколько выдержки и воли
У детей моей земли!
Будто перекасти-поле
Среди боя Наташи.

И откуда только сила,
Улыбающийся взгляд?
Сколько их повывносила —
Бледных раненых солдат.

Задыхается, а тащит,
То в деревню, то в блиндаж.
Право, ангел настоящий.
«Разве бросишь,— скажет,— наш!»

Скажет «наш» с такой любовью,
И крестит бойца бинтом,
Не войти, знать, доле вдовьей
В чей-то милый дальний дом.

Край передний, край передний,
Край любви и мести край,
Край для мертвого последний,
Где одно лишь — поминай.

Синеват рассвет, седеет.
Гул орудий полковых.
Звезды на небе редуют,
Будто стряхивают их.

Месяц тонкий на ущербе,
Таял, таял и пропал;
Нам казалось — он на вербе
Покачнулся и упал.

Сердцу больно, сердце бьется,
И тоска такая вдруг,
Будто месяц не вернется,
Будто месяцу — каюк.

Да и вправду, зная, иные
Не сумеют увидеть
Над околицей льняные
Пряди месяца опять.

И на том рассвете синем,
В бой поднявши батальон,
Пал солдат, солдат России,
Пал лицом на запад он.

Пал солдат — прощай! Не можем
Постоять мы над тобой,
Может, в сумерке тревожном
Сами головы мы сложим,
Продолжая этот бой.

Пал солдат, а мы все — лавой
По сугробам февраля.
Будет пухом им со славой
Вызволённая земля.

Пал солдат в огне и дыме,
Смертью смерть поправ, он нал,
Не завееет снегом имя
В чистом поле вьюги шквал.

Потому что есть живые,
В чьих сердцах огонь не сгас,
Потому что есть Россия,
Что забвенью не предаст.

И, накатываясь валом,
Подымались цепи рот,
Чтобы жизнь торжествовала,
Шли и шли бойцы вперед.

Снова в поле, на морозе,
С вечной сумкою видна
В полушубке белом, козьем,
В белых валенках — она.

Не по тропке, не по вешкам
К полосе «ничьей» земли,
А ползком и перебежкой
Продвигалась Натали.

Прядь волос заиндевила,
Будто вишня — цвет лица.
Напряженный взгляд и смелый
Ищет павшего бойца...

«И меня вдруг...» Легкой дрожью
В сердце эта мысль вошла:
«Упаду... останусь... что же,
Лишь скорей бы смерть была...»

Не предашься тут печали —
Мысль мелькнула и ушла.
«Санитар! Сестра!» — позвали
За сугробом. Замерла.

Слышен стон. Метнулась птицей.
«Он, земли советской сын!»
Большеглазый, бледнолицый,
На снегу лежит грузин.

Натали перевязала
Рану натуго бинтом,
Подняла бойца, сказала:
«За меня держись, пойдем».

Захватила и оружие
(Не оставишь автомат).
«Пусть в деревню логом, кружный,
Потерпи, прошу, солдат».

А солдат ослаб, несчастный,
Стон его острей ножа,
И у Натали на части
Разрывается душа.

До гумен дошли. Огромен,—
Видит девушка,— сарай;
И решила: на соломе
Отдохнет боец пускай.

В приоткрытые ворота
Тихо входят в полумглу;
Зашумел соломой кто-то
В дальнем сумрачном углу.

Поняла в одно мгновенье —
Немцы. Двое их. Конец.
Вот один метнулся тенью,
Выстрелил в нее, подлец.

Натали кладет солдата
Наземь, и сама, как пласт,—
По врагам из автомата
Очередью — раз и раз...

Одного во мгле сарая
Подсекла. Его уж нет.
А другой опять стреляет,
Рааряжает пистолет.

Не сдастся он без боя,
Видно, целится еще...
Вдруг ужалила осю
Пуля девушку в плечо.

Вадрогнула. Сарай заухал.
Свет мелькающих огней.
То она послала в угол
Несколько очередей.

Смолкло все. Лишь стонет, слышно,
Наш товарищ, наш солдат.
Что в углу? Привстала выше,
Немцы мертвые лежат.

«Поделом!» — она сказала, —
А плечо горит, болит.
«Ранил враг. Вот наказанье.
Как теперь с грузинном быть?»

На солому положила
Поудобнее его,
Чуть соломой принакрыла,
Чтоб оставить одного...

Ободрила теплым взглядом.
«Не тужи. Вернись назад.
Для тебя носмяки надо...
За тобой придем, солдат».

В инее стоят деревня.
Снег скрипит. И ветер жжет.

Недалеко от деревни
За высотку бой идет.

СЧАСТЬЕ

На войне и так бывает:
День и ночь бушует бой,
Словно филин, завывают
Мины прямо над тобой.

Рвутся с грохотом снаряды,
Танк скрежещет и ревет.
Пыль и дым столбом, а рядом
Птаха, знай себе, поет.

Иногда заметишь с грустью,
Как, прервав на миг полет,

Сядет ласточка на бруствер,
Смотрит, что тут за народ.

Хлопотунья-невеличка
Не нарядна, голос тих.
Отчего же эта птичка
Мне милее всех других?

Люди жмутся по окопам.
Дела нет ей до войны —
По своим небесным тропам
Вьется в ветре вышины.

Запевает в ясном свете,
Люди, слышите слова?
«Я в тевете, я в тевете!
Посмотрите, какова!

Я в тевете! Видят все ли?
Нарядилась я с утра.

Ягат-Педер, ты в постели?
Ягат-Педер, встать пора!»¹

¹ Вольный перевод народной песни, основанной на звукоподражании.

Ягат-Педер!.. Где-то ныне
Педер мой? Ты что ж, Сумбай?
Натали твоя в кручине.
Ты хоть весточку подай!

Зла разлука. Нету мочи
Знать, что милый друг вдали.
Ясным днем и темной ночью
Парень в мыслях Натали.

И, хотя тоска-страданье
Девичью терзает грудь,
Все ж надежда на свиданье
В сердце теплится чуть-чуть.

И любовь горит — не гаснет:
Пусть разлука, пусть война,—
С каждым днем сильней, всевластной
Душу в плен берет она.

«Вот бы, — думает дивчина, —
Мы друг друга здесь нашли!..»
Что же, что сулит судьбина
Непоседе Натали?

А весна приспела к сроку,
Блещет, искрится, звенит,
И любовь, любовь-морока
Молодых сильней томит.

Тропы в даль манят куда-то,
В мир, что зелен, свеж и юн.
Звонче чалый конь комбата
Ржет, просясь в луга, в табуны.

Сливы, яблони в обновы
Убрались в погожий день,
Грозди пышные готова
Распустить в садах сирень.

А в лесок свернет дорога —
Шелест листьев, полутьма...
Подожди еще немного —
Соловьи сведут с ума...

Украина, Украина —
Украшение земли!..

Но, случилось, на руины
Попадала Натали.

Отдавался в сердце чутком
Болью горький плач сирот.
В ночь она ни на минутку
Глаз, бывало, не сомкнет.

Вился сизый дым туманом
Над прекрасной стороной.
Трудно заживали раны,
Нанесенные войной.

Все же, как враги ни гнали,
Ни топтали здесь ее,
Как над ней ни лютовали,—
Всюду жизнь брала свое.

С ликованием природы
После первых вешних гроз
Ликование народа,
Вновь свободного, слилось.

Был наряд на украинках
Как на праздник в эти дни.
В пышных юбках-многоклинках,
В ярких вышивках они.

Как пленяли мастерицу
Из чувашского села
Их уборы! Поучиться
Кой-чему она могла.

Запросили дела пальцы,
Что вести привыкли нить,
Потянуло сесть за пальцы,
Ткань узором оживить.

Радость жизни птахи малой
Песенка передает,
Ну, а девушка, бывало,
Холст узором разошьет.

Так и о тоске разлуки
Рассказала бы она,
Только огрубели руки,
Да и некогда — война!

**Слышен топот молодецкий
Закаленных в битвах рот,
Знамя гвардии советской
Продвигается вперед.**

**Над весенними полями
Золотым блестит шитьем
Боевое наше знамя,—
Образ Ленина на нем...**

**Впереди еще немало
Будет ратного труда,
Но уже свободной стала
Украина навсегда.**

**Веет свежестью весенней
И над Польскою землей.
Светит ей освобожденье
Алой утренней зарей.**

**Будут битвы и потери.
В землю ляжет не один.
Но близка берлога зверя.
Час пробьет — падет Берлин!**

• • •

В Польше как-то между делом
(Трое суток ливни шли)
Сшить себе передник белый
Ухитрилась Натали.

Села вышить, но затею
Отложить пришлось: зовут.
Сам комбат прислал за нею,
Срочно, мол, на пять минут...

«Что там? Немец не стреляет
Со вчерашнего утра...
Значит, кто-нибудь хворает...» —
Так решает медсестра.

Но больных не оказалось.
Захотел узнать комбат,
Как с бинтом: «Бинта осталось
Очень мало, говорят?»

«Правда...» — «Бинт получишь в среду.
Ты садись-ка...» Поняла

Натали, что ждет беседа,
И присела у стола.

У комбата вот какая
Цель была, затем и звал:
Самолично земляка ей
Он представить пожелал.

«Знаешь, нынче с пополнением
Прибыл новый адъютант.
Боевой... Имел раненья
Этот старший лейтенант...

Ну, а главное — чуваш он,
Так что гостя принимай...
К слову, орденом украшен...
Вот он сам...» — Вошел Сумбай.

И, как будто всколыхнуло
Тяжким взрывом грудь земли,—
Что-то подняло со стула
И толкнуло Натали.

«Натали!» — И в самом деле
Это Педер — не двойник.

Щеки девушки зардели,
Сразу тесен воротник.

«Педер, Педер!» — от волнения
Дрогнул голос медсестры.
Скрыть старается смущенье,
Да ресницы-то мокры.

А Сумбай не растерялся:
«Вот что значит — перст судьбы!..»
В этот миг вдали раздался
Треск винтовочной пальбы.

Загудела вся округа,
Начинался жаркий бой...
Так они нашли друг друга
На дороге фронтовой.

★ ★ ★

Слезы выдали комбату —
Кто Сумбай для Натали.
Встречу счел он суховатой:
«Почеломкаться б могли...»

Впрочем, он заметил вскоре,
Что таков обычай наш,
Что и в радости и в горе
Сдержан, молчалив чуваш.

Натали держалась робко
В этот день и потому,
Что наряд ее в коробку
Спрятан был в родном дому,

Что обличьем изменилась:
Стала — парень без косы.
Гимнастерка подносилась,
В блиндаже не до красы.

Полинявшая пилотка,
Кирзовые сапоги,
Брюки — тоже не находка:
Их попробуй, сбереги.

Невозможно, сами завесьте,
Если в поле день за днем
По-пластунскч метров двести
Проползаешь под огнем...

Коль не голос, коль кармашка
Грудь слегка б не подняла,
То за юношу бедняжка
За пригожего б сошла...

Я надеюсь, не обидел
Санитарок мой рассказ.
Что до парня — тот видел
Только свет любимых глаз.

Натали ушла в смятенье.
Педер вслед ей: «Погоди!»
Ваглядом просит позволенья,
А комбат: «Иди, иди!»

* * *

Нету спора, редкий случай,
Что невеста и жених
Повстречались в самой буче
Трудных будней фронтовых.

Прав, однако, лишь отчасти,
Кто заметил: «повезло»,

Потому что это счастье
Не само собой пришло.

Не ждала невеста дома,
Словно горлинка, тиха,—
В бурю к берегу крутому
Вышла встретить жениха...

Случай был в полку замечен.
Это и немудрено:
Часты вот такие встречи
Только в книгах да в кино.

Вышло даже так, что вскоре
Сам «хозяин» — генерал
В душевном разговоре
О друзьях моих узнал.

Как-то раз зафыркал вилямис
У штабного блиндажа.
«Из дивизии явились» —
Слух по ротам побежал.

Принял рапорт от комбата,
Поздоровался комдив,

Пошутил: «Не надо в хату,
На НП меня веди».

Коренаст, виски седые.
От бритья щека сиза.
Твердо смотрят молодые
Жизни полные глаза.

На НП отер платочком
Генерал высокий лоб,
Осмотрелся, выбрал точку,
Сам наставил перископ.

«Да. Не зря мы торопились...—
На комбата он взглянул.—
Тут они зашевелились,
Ты их здорово тряхнул.

Что ж, лиха беда начало...
То ли будет, капитан!
Ну, пройдем к тебе, пожалуй,
Мысль пришла... наметим план...»

Засиделись у комбата,
Планом заняты всерьез.

И хозяин тароватый
Гостью «светленькой» поднес.

За столом пошла беседа
О семействе, о родных.
Генерал уже был дедом,
Вспомнил он внучат своих.

Генерал твердит про внуков,
А комбат, нахмутив бровь,
Речь заводит про разлуку,
Про погибшую любовь.

Случай он припомнил сразу,
Что влюбленных наших свел.
Генерал его рассказу
Удивился: «Вот орел!

Значит, так-таки к невесте
И пожаловал герой?
Ну, а сам он как? На месте?»
«Да, как будто с головой...»

Педер призван был к ответу.
Осушил и он стакан.

Генерал: «...но, чур, не сетуй,
Коль изменишь, Аптраман!

Я к тому, что есть прохвосты...
Много с ними маяты.
Дело-то уж очень просто:
То да се, а сам — в кусты.

На пути твоём не станем —
Кренко любишь, так женись,
Но, скажу при капитане,
Если что... тогда держись!

Так-то, брат... Все в вашей власти...
Коль любовь вам дорога,
Защитайте сами счастье,
Крепче бейте вы врага!»

* * *

Может статья, скоротечна
Радость пары молодой.
Юность пылкая беспечна —
Что ей срок: хоть час да мой!

Завтра бой начнет «катюша»,
Танков ринется волна,
Щебет ласточки заглушит
Диким голосом война.

Вспыхнет красная ракета:
«Ну, пехота, выходи!..»
Но ведь «завтра» это где-то —
За горю, впереди.

А сейчас на день, на два ли —
Дальше видеть не дано! —
Две души одною стали...
Счастье это? Да, оно.

* * *

Средь некошенной травы
На лесной опушке
Две чернявых головы
На одной подушке.

Льется звездный свет в глаза,
Небо, словно смятка.

Сохнет девичья слеза —
Светлая росинка.

Нет, не свадебная клеть,
Не родные сени —
Тут, куда ни поглядеть,
Только лес весенний.

Но мерцает Ковш-звезда¹
Так же, как и дома,
И в ручье журчит вода
Ласково, знакомо...

Слабый свет блеснул вдали
И пропал за тучей —
В нем узнала Натали
След звезды падучей.

«Может быть, — мелькнула мысль, —
Кто-нибудь из наших
Увидал ее...» И высь
Показалась краше.

¹ Ковш-звезда — созвездие Большой Медведицы.

И шепнула горячо
Дорогому другу:
«А моя горит еще
Там, над нашим лугом!..»

На плечо ее шинель
Споласхую надвинув,
Муж сказал: «Вгляни на ель —
Хоть рисуй картину...»

Пусть в ночи весь окоем
Бороздят ракеты, —
Любо им смотреть вдвоем
В небо до рассвета.

Недалеко соловей
Щелкнул, выждал время
И залился меж ветвей
Где-то в самой темноте.

«Хорошо! А на Суре,
На родном Сявале
Наши звонче на заре
Все же распевали!» —

Так заметил мой Сумбай.
Так и я считаю.
Кто не верит — тот ступай
В Ярмухаль к Сумбаю.

Может, скажете: чуваш
Потерял, мол, меру.
Но езжайте под Канаш,
В Терлемес, к примеру.

Вот где соловей поет!
Перелив, прищелку
И кукушкин перелет —
Все исполнит с толком...

Все же польский соловей
Тоже пел неплохо.
Грудь у Натали моей
Поднялась от вздоха.

Заглушив журчанье струй,
Вновь свистит проказник:
«Чуп-чупту - целуй, целуй!» —
Не поет, а дразнит!

Вдруг сменилась тишина
Гулом отдаленным —
То напомнила война
О себе влюбленным...

В ПОЛЬСКОМ ГОРОДКЕ

Рядом в польском городке
Битва затихает,
А на страшном островке
Медсестра рыдает.

Час ударил, и вдали
От родного края
Потеряла Натали
Навсегда Сумбая.

Счастье пары молодой,
Где ты затерялось?
Натали моя вдовой
Горькою осталась.

Не летать двум голубям
В небе друг за дружкой,
Не лежать двум головам
На одной подушке.

О последней, впрочем, в
Вставил ради краски:
Сами знаете, друзья,
Что подушка — сказки.

И Сумбай, и Натали
Оба этим летом
И на камнях бы могли
Сладко спать, да где там!

То бомбежка, то обстрел
Будят среди ночи.
Ну, а днем хватает дела,
Не заспишьсьи очень.

А теперь конец... Нашла
Пуля сердце друга.
Не поспела, не спасла
Натали супруга...

В этот день она чуть свет
Поспешила к штабу:
Там еще Сумбай иль нет,
Ей узнать хотя бы...

Вдалеке разрывы мин,
Свищут пули злые.
В блиндаже штабном один
Рядовой Алиев.
«Где же старший лейтенант?»
«На эипе с комбатом»,—
Отвечает ей солдат,
Точно виноватый.

Словно он тому виной,
А не служба, скажем,
Что не могут муж с женой
Чаю выпить даже.

«Посидите у огня,—
Говорит ей парень,—
Чай хороший у меня...
Только что заварен...»

В блиндаже тепло, уют...
В маленькой печурке
По-домашнему поют
Смоляные чурки.

Вот и чай в стакан налит.
Но ничто не мило
В это утро Натали:
Сердце вдруг заныло.

Ноет, будто суждено
Встретиться с бедою.
Что предчувствует оно,
Сердце молодое?..

Рощей, что, как шаль, пестра
От багряных листьев,
Торопливо медсестра
Зашагала к Висле.

Залпы слышатся вдали,
Как раскаты грома.
Эти звуки Натали
Уж давно знакомы.

Все вокруг знакомо ей,
Словно в Ярмухале.
Много здесь ночей и дней
Наши простояли.

Отходить случалось нам
Под нажимом страшным —
Немцы даже по ночам
Лезли в рукопашный.

Но потом пришлось врагу
Убираться срочно.
Мы на этом берегу
Закрепились прочно.

Сколько раз у Натали
У моей, бывало,
Чуть носилки понесли,
Сердце замирало.

Чудилось: его несут
На брезенте шатком...
Но Сумбай был тут как тут
После каждой схватки.

Раз в бою, во тьме ночной,
После перевязки,
Раненый про дом родной
Вспомнил по-чувашски.

Допытаться у него
Натали хотела,
Где он, дом родной его,
Только не успела.

В ней землячки не узнал
Храбрый воин этот,
С ней на Волгу не послал
В смертный час привета.

Взор сраженного потух,
Стон его раздался,
С телом богатырский дух
Нехотя расстался...

★ ★ ★

С тех пор тревога за Сумбая
Не оставляла Натали,
А он все на переднем крае.
Они встречаться не могли.

С тех пор и за обоих братьев
Сильней тревожилась она.
В свои смертельные объятия
Могла и их схватить война.

Кервень... Эндри... За них немало
Мучений выпало сестре.
Но боль, что нынче сердце сжала,
Всех пережитых мук острей.

Спешит она, как вдруг «Наташа!»
Послышалось. Глядит — комбат
Ей издали рукою машет.
«Старшой наш ранен, говорят...

Живой, живой! Не падай духом.
Быть может, рана не страшна.

Пройдем овражком... Нынче сухо...
Крепись, товарищ старшина!»

А старшина себя не помнит.
Как уголь, мысли сердце жгут.
Спешит — словечка не обронит,
Спешит — а ноги не идут.

* * *

Как тополиный лист с изнанки,
Был бледен раненый Сумбай.
Лежал он в маленькой землянке.
Рвались снаряды то и знай.

На раненого от разрывов
Со стенок сыпался песок.
Порой казалось, что не жив он,
Лишь чуть пульсировал висок.

Под ним шинель, и в изголовье
Она же: тут постели нет,
А сбоку, словно наготове,
Лежат бинокль и пистолет.

В землянке санитар усатый
И молодой телефонист.
При появлении комбата
Тот и другой подобрались.

«Что ж плохо держишь связь?» — сурово
Сказал связисту капитан.
«Обрыв случился, долго провод
Искать пришлось, ведь был туман...

Да вот царапнуло немного...»
Но увидал уже комбат,
Что обошелся слишком строго:
«Ах, вот что... Ну, прости, солдат!»

Он над Сумбаем наклонился:
«Ну, как, старшой?» А тот: «Дышу...
Ты, Натали? — Он оживился.—
Не плачь, родимая... прошу...»

А Натали бела, как вата,
Кивнула молча головой,
Глотнула воздух и комбату:
«Позвольте мне везти самой».

«Да, да... конечно, поезжайте,—
Заботливо, как старший брат,
Сказал комбат ей.— Выручайте,
Гоните прямо в медсанбат!»

На берег, минами изрытый,
Снесли Сумбая с островка.
В возок, соломой набитый,
Здесь запрягали меринка.

Сумбай не чувствовал касанья
Горячих, бережливых рук.
Он потерял уже сознание,
Его успел сломить недуг.

Комбат, прощаясь с верным другом,
Поцеловал холодный лоб,
А конь, косясь назад с испугом,
Все рвался с места взять в галоп.

«Надеюсь...» — И на этом слове
Комбат ладонь поднес к глазам.
И Натали сдвигает брови,
Но воли не дает слезам.

Повозка тронулась по лугу,
Промяв две свежих колен.
Коня в карьер, спасая друга,
Пустила с места Натали.

Близ городка, на месте новом,
Своих палаток длинный ряд
Вдоль просеки в бору сосновом
Уже расставил медсанбат.

По корням, рытвинам и лужам,
Одним стремлением полна,
Сюда с возлюбленным и мужем
Спешила верная жена.

Да, без гулянки, где сплясать бы
Могли родные и друзья,
Без чарки горького, без свадьбы
Спаялась новая семья.

Весной, во время передышки,
Чуть отгремит орудий гром
И залпов отмелькают вспышки,
Вновь соловьи звенят кругом.

Такой порой Сумбай подругу
Назвал своей в лесной глуши,
И польский соловей супругов
Благословил в ночной тиши.

И вот жена, спасая мужа,
Коня торопит что есть сил.
Дорога с каждым шагом хуже:
То на мосту разбит настил,

То посреди пути — воронка,—
Свой след оставили бон,—
И умный конь берет в сторонку
От проторенной колес.

Но скоро кончился проселок,
Дорога вышла на шоссе.
Вот прожужжал, как шмель, осколок.
Вот мина лопнула в овсе.

Конь завернул от взрыва круто
И чуть повозку не свалил.
Сумбай очнулся на минуту,
Вздохнул и веки приоткрыл.

Он в синем небе над собою
Увидел «раму». «Фокке-Вульф»
Следил внимательно за боем,
Недосягаемый для пуль.

Кто не видал его на фронте!
Явился — знать, близка беда.
Артиллеристам и пехоте
Немало он принес вреда.

И Педер, истомленный жаждой,
Кому-то крикнул: «Целься, плм!»
Таким в бою его однажды
Уже видала Натали.

Она склонилась над Сумбаем:
«Что, Педер? Что с тобой, родной?»
Как бьется пульс, как лоб пылает!
Заговорит ли он со мной?

Она на миг оцепенела
Над мужем, стонущим в бреду,
«Беда мне... так и не успела
Сказать, что я ребенка жду.

Вот что самой пришлось увидеть! —
Вадыхает женщина с тоской. —
Нет, не отдам я — целым выйдет
Из этой сечи Педер мой!»

Она нагнулась, шепчет мужу.
Ее слова все горячей:
«Ребенка жду... Ему ты нужен,
Не покидай нас, пожалей!..»

Вдруг мужнину большую руку,
Стыдась самой себя, берет,
Забыв на миг тоску и муку,
Кладет ее на свой живот.

Она еще склонилась ниже,
На мужа каннула слеза.
«Ну, Педер, милый, посмотри же,
Узнай меня, открой глаза!»

Молчит Сумбай. Еще он дышит,
Но жизнь в нем теплится едва.
Он слов возлюбленной не слышит —
Бессильны жаркие слова.

И лишь в полуверсте от цели
Сумбай очнулся. Легкий стон...
Черты страдальца просветлели,
Узнал жену, должно быть, он.

«Я жду ребенка», — шепчет громко,
Нагнувшись к мужу медсестра.
Он повторяет: «Ждешь... ребенка?»
Но боль вернулась, боль остра.

Как сумеречный свет, и зыбкий,
И слабый, по его лицу
Прошла лишь тень былой улыбки —
Ребенка не видать отцу.

Без жалоб встретил он кончину.
Лишь побелел, как первый снег,
Да прошептал чуть слышно: «Сына...»
И замолчал уже навек.

Колеса все еще гремели,
Свой скорбный груз еще везли.
Светлело. Сосны поределли,
И вот на людях Натали

В расположении санбата
Поцеловала в первый раз
Того, кого любила свято,
Кто на руках ее угас.

Ее узнали санитары,
Один из раненых и врач,
Уже знакомый с юной парой.
Ее спросил он: «Что за плач?»

«Не ранена ль сама случайно?»
«Да! Только мне помочь нельзя».
«Но что с тобою, коль не тайна?»
Ведь здесь одни твои друзья...»

А между тем вдова Сумбая
Его не слышала речей,
Заветный фартук доставая
Из сумки кожаной своей.

Его, должно быть, пуще глаза
В окопах чистым берегли.
Его, наверное, ни разу
Не повязала Натали.

Она еще раз посмотрела
На дорогое ей лицо
И фартуком накрыла белым,
Блюдя обычай отцов.

Потом безмолвно отступила
И поклонилась до земли...
Так друга верного почтила,
Скорбя безмерно, Натали.

А через сутки в изголовье
Могилы, где лежал герой,
С латунной звездочкой надгробье
Поставив плотник полковой.

★ ★ ★

Урны, ангелы, распятия
И скорбящие мадонны...
В золотом осеннем платье
Жимолость, каштаны, клены.

Над могилою Сумбая,
Загрустив о солнце вешнем,
Наклонилась молодая
Тонкоствольная черешня.

Лист берет вдова на память
С деревца, каких немало
И цветущих, и с плодами
На пути она встречала.

И чугунную ограду,
И дорожку до часовни
Натали сегодня надо
Крепко-накрепко запомнить.
Ведь весной или лето, —
Скоро, нет ли — как придется, —
Может быть, пройдя полсвета,
Натали сюда вернется.

А сейчас прощайте, братья,
Что от мины иль от пули
В польском городке при взятъи
Непробудным сном уснули.

Натали не может мешкать:
Батальон уходит дальше.
Люди, кони попережку
С грозной техникой — на марше.

Дрогнула земля степная.
В поле двинулись колонны,
Вас, герой, оставляя
Здесь, в земле освобожденной.

Ваше верное оружие,
Братья, павшие со славой,
Мы с собой берем: пусть служит
До конца нам в битве правой.

Натали моя выходит
За чугунную ограду.
Видит — время на исходе,
Догонять своих ей надо.

Не заброшена могила,
Где вдовица молодая
Георгины посадила,
Долг последний отдавая.

Сквозь стекло на медальоне
Лейтенант глядит открыто,
А вокруг в цветах все тонет,
Все свежо, росой умыто...

Что ж, горька судьба Сумбая,
Но не мало горше было:
Ведь не всем рука родная
В смертный час глаза закрыла.

Дорогой жены передник
Покрывал не всех по смерти,
Не у всякого наследник
Есть, друзья, на белом свете.

И сама могила эта —
Тоже случай, редкость, право.
Обелиск с его портретом...
Надпись... Это ли не слава!

А ведь чаще в поле чистом
Над останками солдата —
Только холмик неказистый,
И ни имени, ни даты.

Лишь с годами, выбрав место,
Как история твердит нам,
Над солдатом неизвестным
Ставят памятник гранитный...

В городе уже не слышат
Отголосков канонады,
Все вокруг покоем дышит,
Людам прятаться не надо.

Над могилою Сумбая
Солнце лист позолотило.
Я всегда ее узнаю,
Эту скромную могилу.

Там знакомая черешня
Над знакомым обелиском
Все грустит о соянце вешнем,
Наклонившись низко, низко.

Польки часто навещают
Уголок, залитый светом,
Кто-то холмик поправляет
И цветы сажает летом.

Пани старая, седая,
Дерна взял на ближнем поле,
Выложила над Сумбаем
Крест, такой же, как в костеле.

«Может, сам ты и не верил,
Может быть, и не крещеный,
Ну, а вдруг откроют двери
Для души твоей спасенной...»

Так старушка утвердила
В простоте в соседстве близком
Крест из дерна на могиле
И звезду над обелиском.

В обелиск рукой умелой
Друга павшего Сумбая
Медальон овальный вделан
С бронзой яркою по краю.

Долго старая стояла,
Восхищенная работой,
О погибшем горевала
И разглядывала фото.

Мимо шел неторопливо
Офицер в конфедератке
Вместе с девушкой красивой
В новой форменной крылатке.

Видимо, могли чью-то
Эта пара здесь искала,
За старушкой с минутой
Издали понаблюдала.

А когда пошли, мужчина
Пошутил, тая волнение:
«Не страшна теперь кончина
Для идущего в сражение».

Коль не по сердцу земляца
Неприятная, сырая,
Пани может помолиться
О небесных куцах рая...»

А знакомая черешня
Над солдатским обелиском.
Все грустит о солнце вешнем,
Наклонившись низко, низко.

И не знает та черешня,
Под осенним солнцем рдея,
То ль чужой он, то ли здешний,
Кто уснул навек под нею.

Так скажу я: кто б он ни был,
Он погиб за наше благо.
За сады, луга и нивы
В бой вела его отвага.

Он за мир оружие поднял,
За людей всех рас и наций,
Чтоб они могли сегодня
Строить, петь, любить, смеяться.

За веселых и цветущих
Малышей на битву шел он,
За Коперников грядущих,
За науку, книги, школы.

Жизнь любил он неизменно,
Дорожил он каждым часом.
Здесь, на родине Шопена
И Мицкевича, угас он.

Оттого все безутешней
Тонкими ветвями машет,
Гнется польская черешня
Над могилою чуваша.

В РОДНОМ СЕЛЕ

Вот уже и показалась
В небе полная луна.
Но в избе не воцарялась
Очень долго тишина.

Сабани всегда ночами,
Как-никак, а все же спит.
А сейчас звенит ключами
И в сенях дверьми скрипит.

То в амбар, то в погреб сходит,
То во двор, то со двора.
И подумать можно — вроде
Бабка уж не так стара.

Вот и дед в окошко шею
Тянет на манер кони:
«Сабани, иди скорее,
Надоела мне возня».

Наконец все стихло, только
Слышно было издали,
Как журчал из леса тонкий
Мягкий голос Натали.

Это Педера прилежно,
Глади ласково рукой,
Принялась баюкать нежно
Мама песенкой такой:

Лес шумит, бушует ветер,
Поднимает ералаш.
Спит все зайцы и медведи,
Спи, мой маленький чуваш.
Успокойтесь, ручки, ножки,
Снят и кошка и баран.
Понемножку, понемножку
Засынай, мой Аптраман!

Теплый дождик поливает,
Он лопочет — чав, чав, чаш...
Вырастай, нужды не знай,
Спи, мой маленький чуваш.
Дружен будь всегда с друзьями,
Злым не дай себя в обман.
Не робей перед врагами,
Крепким будь, мой Аптраман!

Будь ты русскому приятель
И татарину — юлдаш.
На земле все люди братья,
Спи, мой маленький чуваш.
Смело в добрый путь пускайся,
Путь тебе широкий дан.
Позади не оставайся,
Будешь счастлив, Аптраман!

ПРОЩАНИЕ

Над Волгой небо заалело,
Протяжно прокричал петух,
И я, к концу подвинув дело,
Перевожу покамест дух.

Да, скоро я поставлю точку,
Утомлены глаза, спина.
Рука, что дописала строчку,
Почти до боли сведена.

Но это — сладкая усталость,
Целебная, сказал бы я.
Хочу, чтоб чаще мне случалось
Ее испытывать, друзья!

Есть нечто схожее в природе.
Перед грозой — тишь, покой...
Со мною что-то в этом роде:
Едва-едва вожу рукой.

Порою и строки не можешь
Переписать с черновика

**И говоришь себе: «Ты что же?
На печку рано, брат, пока».**

**Оцепененье сходит, к счастью.
Вдруг за теплом душевных слов
Друзей почувствуешь участие —
И снова петь для них готов.**

**Целитель есть у нас — природа.
Вот он, живительный бальзам!
На нем держался год от года,
Того не замечая сам.**

**Распахиваешь настежь двери,
И вот к тебе через порог,
Внося листву и птичьи перья,
Влетает волжский ветерок.**

**И слышишь ты касаток щebet
И гоготание гусей.
Орлан-волжанин в чистом небе
Парит во всей красе своей.**

И чувствуешь: не стар еще ты...
Джамбула вспомнив старика,
Поймешь: в запасе для работы
Лет пятьдесят наверняка.

И наши Аптраманы живы,
Их горе не сломило, нет.
Вновь будет встреча — в час счастливый,
А это — книга трудных лет.

Люблю, признаться, я простую
И дружную семью Илле.
Всегда их сторону приму я,
Что б ни случилось на селе.

В их дом, что ласточкины гнезда
Под крепкой крышей приютил,
Приду я, рано или поздно, —
С годами мне он больше мил.

Они простят мое пристрастье
Вникать в любые их дела.
Я от души желаю счастья
Семье, где Натали росла!..

За Волгой в маленькой избушке
Пишу я за строкой строку.
Уже бездомные кукушки
Твердят в бору свое ку-ку.

В окно открытое я вижу
От сна встающий Шубашкар.
Он на заре как будто ближе...
Спешат подводы на базар.

Вон к перевозу заволжане
Ведут коней, взяв под уздцы,
И понукают их вожжами
С телег нагруженных мальцы.

С лукошками да с коробами,
С кошелкой, с кадочкой, с ведром —
Кто с ягодами, кто с грибами —
Шагают бабы на паром.

А в городе с хвостами пыли, —
Глядеть отсюда, — золотой,
Уже снуют автомобили.
День начат — мирный, трудовой.

Две мачты радио видны мне.
Они, как два столба ворот,
Раскрытых в мир; а там — за ними —
Друзья, родные, весь народ...

Пора мне в путь! Уже довольно
Беречь боль подживших ран.
Гудит над Волгой ветер вольный,
Бушует жизнь, как океан.

А тут ни зимушки, ни лета
Не разглядев, проводишь год.
Покинута семья поэта —
Весь день стихам он отдает.

Жена, бывает, среди ночи
Вдруг спросит: «Что, опять корпишь?
Опять из-за десятка строчек
Ты до рассвета просидишь?..»

Не скажешь ей, боясь конфуза,
Что всех ревнивиц на земле
Ревнивее и строже муза,
И... гаснет лампа на столе...

Не упрекай меня, родная,
И огорчений не таи.
Всем сердцем я благословляю
Заботы верные твои.

Я благодарен за терпенье
Тебе, мать сына моего.
Пойми и ты мое стремленье,
Пойми и укрепи его!

Писал о тех я, кто душою,
Как ты сама, и прям и чист;
Писал с тревогою большою,
И выстрадан тут каждый лист.

Ты спишь спокойно. Нет причины
Для треволнений. Но пора:
Вставай и разбуди-ка сына,
Поздравьте вы меня с утра.

Пойдем, Атнер! Отец закончил
Свой труд — уплачен долг один.
Да что тебе! Ты смейся звонче,
Беги быстрее к реке, мой сын!

И, взявшись за руки, гуськом мы
Сбегаем по тропинке вниз.
Росой обрызганные поймы.
Кусты. Песок промыт, зернист.

Простор. Раздолье. Здравствуй, Волга!
Вернешь ли силу мне сполна?..
Ныряю, плаваю я долго.
Меня баюкает волна.

1960

1962

Братница из джешука

**И душа моя вновь окрылилась,
Что-то в ней высоко поднялось.
Лишь бы это движенье продлилось!..
Птица, птица! — с тебя началось.**

МОЯ ПРАГА

Зовут стобашенной
И Злата-Прагою.
Ты не раскрашена:
Все дышит правдою.

«Парижем маленьким»
В столетьях высишься.
А мне — в купальнике
Простом ты видишься.

Увидел девицей.
Тебя в апреле я.
В саду на Дейвице
Цвела камелия.

Цвела торжественно,
С каким-то вызовом,
Цвела так женственно —
Влюбись хоть сызнова!

Я СИМФОНИЮ СМЕТАНЫ СЛУШАЛ

Я симфонию Сметаны слушал...

**...Амазонки княгини Либуши
Налетали на ворогов смерчем.
Гуса, Жижки бессмертные души
Ночь веков освещали, как свечи.**

**Как любовь, как народная слава,
Широко разливалась Влтава...
Дух славян в самом сердце Европы
Бушевал, ликовал, как вино.
Ни пожаром его, ни потопом
Заглушить никому не дано!**

Я симфонию Сметаны слушал...

Я НЕ ЛЮБЛЮ ДЕРЕВЬЕВ СТРИЖЕННЫХ

**Я не люблю деревьев стриженных:
Невыносимо видеть, как каштан
С культей голов, в уздах, обиженный,
Торчит до времени, как истукан.**

**Мне мил над Волгой лес: вонзятся
Вершины сосен до небес у нас.
Я знаю, что душа запросится
Туда — в леса — и в свой последний час.**

★ ★ ★

Не кончить вместе нам наш путь земной.
Другого нет пути. И это — грустно!
Ты розу мне дала. Твой жест простой
Умолкнувшие взбудоражил чувства.

Вниманьем я не избалован, нет,
Но нахожусь в плену воображенья,
Хоть часто там, где кажется мне свет,
Печально обнаруживаю тень я.

Есть одиночество среди толпы,
Оно меня преследует жестоко.
Есть риск в горах, где узок край тропы...
Да что тебе: твой путь такой широкий!

Разлучит время нас. И образ мой
Сотрется в памяти твоей, как не был.

А я, идущий где-то стороной,
Нет-нет и загрузу под вешним небом.

Увидимся или нет — я буду рад
Хранить как дар, мне посланный судьбою,
И казанлыкской розы аромат,
И глаз славянских пламя голубое.

ТРИ ПОСВЯЩЕНИЯ:

ЭЛИСАВЕТЕ БАГРЯНЕ

I

В детали каждой постигая
Смысл общий бытия земного,
В день вашего рожденья снова
Я вспомнил вас, сестра с Дуная!

...София. Ужин в «Русском клубе».
Я сразу, помня по портретам,
Узнал, как вы вошли с приветом,
С подругой вашей давней вкупе.

Задвигались повсюду стулья...
Мне памятен ваш тихий голос
И белый крупный гладмобус,
Что через стол вы протянули...

Спасибо вам. Есть в жизни жесты —
На первый взгляд совсем простые,
Но позабыть не можешь ты их,
Коль в сердце занимают место!

II

Прошло три года. Вновь в Софии,
В салоне вашего Союза,
Скрепляли дружбы нашей узы
Мы — литераторы России.

Вы паузаю в разговоре
Вошли в салон разгоряченный.
Какая-то настороженность
Прочитывалась в вашем взоре.

Я видел, как вам были рады
Коллеги ваши — братья, сестры,
Как реагировали «остро»
Улыбки, вспыхнувшие взгляды.

Вернулись вы из дальних странствий,
И на какую-то минуту

**Мне показалось: вновь как будто
Несетесь в мировом пространстве...**

III

**Еще три года... Руставели
На праздник свой собрал поэтов
Пяти материков планеты.
Стихи читали. Песни пели.**

**Боржом, Вардана, Тбилиси...
В горах грузинских и долинах
Искали вы Балкан картины,
Родные вспоминали высь...**

**Горела осень яркоцветьем
Плодов и листьев. Мир был молод.
Страшил слегка забвенья холод
Перед таким восьмисотлетьем!**

**Но каждому — свое. И все ли
Дошли то, что спеть хотели?..
А вы опять уже летели
С тревогою к заветной цели...**

IV

Счастливого пути вам в мире!
Пока не встретимся мы снова,
Заветное хочу я слово
Доверить откровенной лире.

Я рад, что, к ходу всех событий
Причастен сердцем и стихами,
Не разминулся в жизни с вами,
Несясь по времени орбите.

Мое призвание все рьяней
Стремит меня к народам, странам...
Сворачивая вдруг к Балканам,
Могу ль не помнить о Багряне?

Спасибо вам за то, что шире
Вы сделали мой мир, что крылья
Души болгарской мне открыли...
Счастливого пути вам в мире!

БЛАГЕ ДИМИТРОВОЙ

В краю, что назван «рай земной»
Народом с нежной ласкою,
Хочу поговорить с одной
Сестрой моей дунайскою.

Над Волгою, в тени дубов,
Мечтал еще в тумане я:
«Болгария — моя любовь
Пожищенная, давняя!»

Не зная черт ее живых,
Я жил тогда легендами:
У нас немало было их —
И с радостью, и с бедами.

В воображении не раз
Смотрел в глаза Болгарии
И видел я из тысяч глаз
То синие, то карие.

Ведь жили в сердце у меня
Балканы вместе с Азией,
И было сердцу как родня
Все это разноглазие.

В славянскую вливалась кровь
Кровь праболгар столетьями
Как с финнами среди дубров
Смешались мы впоследствии...

Так уносился вдаль, в века
Давным-давно прошедшие,
Не зная ни о вас пока,
Ни о грядущей встрече я.

Мелькал среди неба синевы
Какой-то образ сказкою.
Быть может, это были вы,
Сестра моя дунайская?

Не синь сияла ль ваших глаз
Загадочно-манищая?..
Бедней Болгария без вас —
Вот песня настоящая!

ЛИАНЕ ДАСКАЛОВОЙ

Дружеский ужин
В «Русском клубе».
Были вы с мужем,
Было мне любо
Видеть веселых
Вас и Стояна.
Слышу ваш голос
Я постоянно:
«Наши чуваша,
Българи — ваши!»
Так вы с улыбкой
Зарифмовали.
Душу, как скрипкой,
Мне взволновали.
Как это много
Значит, сестрица!
Видел я Волгу

**Рядом с Марицей.
Тысячелетье
Нас разделяло,
В этом привете
Близким все стало.
Пусть слышат вечно
Братья болгары
Голос сердечный
Из Шубашкара:
«Ваши чуваши,
Българи — наши!»**

* * *

То в тумане, то яснее
Каждый день, с утра,
За моим окном синее
Витоша-гора.

Там, где к скалам приласкались
Бурные ручьи,
Там следы мои остались
И следы твои.

То спокойно, то ревниво
Жду тебя опять.
Все так красочно, так живо, —
Как же не понять?

Ни яснее, ни туманней
Не хочу я быть.
Верю, сердце не обманет:
Суждено любить.

* * *

Гроза в Балканах... Помнишь? Вскоре
Пред нами радуга зажглась.
Один конец был где-то в море,
Другой — в лесу предгорья гас.
...Гроза. И молния змеилась.
Бродило эхо среди дубрав.
Но ничего не изменилось.
Казалось так. Я был неправ.

Грозой, взрывающей породы,
Сжигающей в горах дубы,
Вошла ты в жизнь мою — на годы...
И не уйти мне от судьбы!

• • •

Если б не было моря и гор никогда,
Все равно их бы выдумал я.
Для меня здесь целебней была, чем вода,
Та, кому не сказать: «Ты — моя».
Так тянуло меня, как я рвался сюда,
В незнакомые эти края,
Без оглядки, меняя в пути поезда,
На могучий призыв бытия!
Что искусство и почести, слава твоя
Перед взором тревожным и ждущим,
Понимающим, нежно зовущим,
Говорящим без слов, ничего не тая,
Перед этой густой, колдовской синевой!
Что стихи, если здесь их источник живой!

* * *

Не зови ты себя некрасивой,
Грех тебе на природу роптать.
Нет такой для меня в мире силы,
Что б могла от тебя оторвать.

Я не знаю, что станется с нами,
Только если во весь свой разбег
Сердце рвется к тебе со стихами,
Ты возьми его или... разбей!

• • •

Мы молчим о самом главном,
Сговорились словно.
Это где-то крупным планом
Светит нам безмолвно.

Это то, что все потери
Возместит сторицей.
Это то, во что мы верим,
Значит — сотворится!

* * *

1

Я знаю:

ты — последняя любовь,

Я потому тобой и дорожу.

И рядом ты, и нет тебя,

и вновь —

«Приедет? Нет?» — гадаю, ворожу.

2

Мой каждый день с утра тобой отмечен:

Пусть ясно небо или хлынет дождь...

Но будет пустота,

и будет нечем

Ее заполнить,

если ты уйдешь.

Какие-то, быть может, будут встречи,
Но мы-то знаем, как ни говори,
Что очень редко солнце нам под вечер
Сияет ярче утренней зари...

Прощай и — платок...

В. Незвал

Я ждал в твоих письмах намека
На что-то заветное, наше...
Вдруг стала такой ты далекой:
Стоишь и платочком мне машешь.

В глазах отрешенность. Но это
Не годы твои, не усталость.
У нас говорят: «Бабье лето»,
Оно за тобою осталось.

Придет с поздней буйной отавой,
С теплыню, пока не запели
Дожди над дубравой ржавой.
Там — первый снежок и метели...

А там — заметет все дороги.
Остынешь. И все станет ясно.
Лишь я буду вечно в тревоге...
Ну что же! И это — прекрасно.

• • •

Мое имя по-гречески «камень».
Не хотел бы ни статуей стать,
Ни собором, ни амфорой я...
Метеором сгореть бы, пусть пламя
Говорит: надо вечно искать
Неоткрытые в мире края.

* * *

Один из нас переживает другого.
Не зря, наверно, в поздний час ночной
Ко мне пришло, стучится это слово:
Оно — завет, на всякий случай, мой...

Не надо плакать, рук ломать не надо:
Земное — в землю, и всему свой срок.
Я дуб любил. И был бы мне отрадой
Тобой возвращенный надо мной дубок.

Пусть, поднимаясь медленно, упорно,
Мой трудный путь напомнит он тебе.
Настанет день твой — неизбежный, скорбный,
Тогда дубок ты предоставь судьбе.

Быть может, тот, уже забытый, желудь
Даст жизнь несметным семьям желудей.

И зашумит под мощной кроной молодь
В лад песне ветра, грома и дождей.

Потомкам будет невдомек, пожалуй,
Что, из орешков дуба выжав сок,
Чернила сделал для себя я, малый,
Чтоб написать десяток первых строк.

О чем был стих — забылось. Но боренье
Каких-то сил отчетливо вполне,
Смотрел я долго на свое «творенье»,—
И сладостно и жутко было мне.

Не потому ли в счастье и в тревоге
То дерево я помнил много лет?..
Да, дуб — начало и конец дороги.
Пусть будет так. Исполни мой завет.

1945

1966

Звезда
и Волка

**Прости меня. Скиталец записной,
Познал я грусть, но счастлив был
вдвойне.**

**Тебе со мной — бывало тяжело,
С самим собой — еще труднее мне!**

В НЕБЕСАХ — МОЯ ЗВЕЗДА!

**Звезды падают ночами.
Осень. Скоро холода.
Что таится за словами:
В небесах — моя звезда?**

**Это с детства наблюдали.
Кто же первым и когда
Произнес, чтоб люди знали:
В небесах — моя звезда?**

**Путешественник? Иль воин
Там, где смерть несла беда,
Вдруг уверовал, спокоен:
В небесах — моя звезда!**

**Кто надежды суть святую
К нам принес через года,**

**Всех поэтами зову я:
В небесах — моя звезда!**

**Сердце, светлое в мечтанье,
Жизнь любя, как никогда,
Знать, сказало на прощанье:
В небесах — моя звезда!**

**Мир — аршином не измерить.
Мой народ — со мной всегда,
Не могу ему не верить:
В небесах — моя звезда!**

РЫБАК

Осенний хмурый день. Еще один бросок —
И лодка тяжело в песок уткнется с ходу.
Вот якорная цепь, гремя, сползает в воду.
Рыбак не торопясь выходит на песок.
От пота и дождя он до костей промок.
Но презирать привык ненастную погоду.
Над мокрой курткой пар клубится, как дымок.
А тучи без конца плывут по небосводу.
Он в море поглядел и молча закурил:
Не то он укорял, не то благодарил
Соленую волну, не говоря ни слова...
А шляпка полная кренилась все сильнеей.
Сияло на свету и шевелилось в ней
Живое серебро артельного улова.

ТОСКА ПО ДОМУ

Отлогий берег с соснами густыми,
Песок сыпучий, как у нас в Елыме¹,
Стволы скрипят и стонут на ветру,
Как в Кошлаушском вековом бору.

Живые волны плещут на просторе.
Весь день шумит, не умолкая, море.
Ты, лежа на песке, глаза прикрой —
И песню Волги запоет прибой.

Тебя тоска по дому обуяла.
Ты в чайке видишь девушку Вирьяла².
Любя свою отчизну, человек
Повсюду слышит шум родимых рек.

¹ Елым — левый берег Волги.

² Вирьял — часть Чувашии, где девушки носят белые платья и черные чулки.

С оружием в руках пришлось нам драться,
Чтоб отстоять республик наших братство.
Теперь все эти вольные края —
Отчизна необъятная твоя.

РАКОВИНА

**Раковину звонкую, витую
Друг мне подарил на берегу.
Море вспоминая зачастую,
Я подарок друга берегу.**

**Если вдруг по морю затоскую
Здесь, в родной чувашской стороне,
Раковину я возьму морскую,
И оно приблизится ко мне.**

**Прижимая раковину к уху,
Слышу нарастающий прибой.
Пенные валы рокочут глухо,
Закипая в бездне голубой.**

**Слышу я шипенье пены зыбкой,
Вольной чайки приглушенный крик.**

Голос друга и его улыбка
Оживают в памяти на миг.

Может быть, и он в часы досуга
Раковину звонкую берет,
Ропот моря, дальний голос друга
Пожелав услышать в свой черед.

Раковину к уху он приложит
И, ловя мой отдаленный зов,
Чутким сердцем ощутит, быть может,
Трепет недописанных стихов.

• • •

На Волге, ветру приоткрытой,—
Барашков белых чехарда.
Ветла красавицей забытой
Ломает руки, молода.
Кого увидела она
На пойме, где трава сочна?

Небось, тоскует и вадыхает
По вязу... Тот ни перед кем
Главы кудрявой не склоняет,
А к небу рвется телом всем.
Что видит он, кому внимает,
Чего он ждет? — и сам не знает.

ГЛАЗ ВОЛГИ

Зимой, когда пруды и реки замерзают,
На Адале, что спит под плотным слоем льда,
Прохожий круг воды чистойшей замечает —
Дождется вешних дней живучая вода.

Лед — толщиной в аршин. Он рядом нарастает,
Но светлая вода не сдастся никогда.

«Глаз Адала» ее в народе называют —
То солнице в полынье, то ясная звезда.

Пусть обожжет мороз, ярятся ветры злые —
Водица все жива и плещется слегка,—
То наморозь над ней, то занавесь снежка.

Пусть, несмотря на все года мои былые,
Вот так же вдохновенье вечно, день за днем,
Живет упрямо в сердце бьющемся моем!

ПОЭЗИЯ

Поэзия — жажду твою утолит
Студеною, чистой водицей.
Любою строкой, если сердце болит,
Поможет тебе исцелиться.

Коль тяжек был день — то усталость стряхнет
С плечей, что придавлены грузом,
Как в детстве, омост — и дверь распахнет
В пространства, известные Музам.

Бывает, читаешь всю ночь напролет —
Но в дом она властно ворвется,
Ковром-самолетом тебя унесет —
Вслед ветер лишь свистом зальется.

Покуда в журналы она не придет,
Покуда страниц не смущает,

Ладони наборщика пусть обожжет
И душу его озаряет.

Пусть будет нектаром для жаждущих уст,
Блаженством из райского сада.

Пусть скажет хоть кто-нибудь вдруг:

«Что за вкус!

Давно бы попробовать надо».

Поэзия — поиск, в ней гения пот

Сдружился с улыбкой дитяти,

Любовь — с разрушеньем немислимых льгот,

С нуждой — пора благодати.

В ней креность всех соков подземных слилась

С живительной силою света...

Увижу ль когда-нибудь я среди нас

Явленье такого поэта?

* * *

Ты, зимний хлад, ты, летний зной,
И ты, осенняя пора,
И ты, весна, — вы все со мной,
Всегда я жду от вас добра.

Метель, и солнце, и дожди —
Как мог бы я прожить без вас?..
Ну что же пусто так в груди?
Побыть бы с милою сейчас.

ТАНГО

Аллея роз,
Аллея роз,
Щемлящий свет давнишних грёз...
Толпа счастливцев молодых.
Мне не вкусить от счастья их.

У счастья был жестокий нрав —
Оно, как мир, в меня вошло
И, сердце сразу разорвав,
В нём уместиться не могло.

Я не рыдаю о судьбе,
Зачем на прошлое роптать?
Того, что видел я, тебе
Да не придётся испытать.

Аллея роз,
Аллея роз,
Томящий след минувших гроз...
Счастливец сонм бредет, маня,
Но счастье их — не для меня.

Жемчужный дождик, слезы лей,
Все небо выплакать спеши.
О, не вини и не жалея
Людской истерзанной души!

Лей, дождик, лей. Пей влагу, сад.
Морщись бархатом, трава.
Пускай, как свеч горящих ряд,
Встают над жизнью дерева.

Аллея роз,
Аллея роз,
Пьянящий цвет поющих лоз...
И я несчастлив ли? — Бог весть!
Хоть у кого-то счастье есть.

Бухарест

* * *

Жизнь часто, независимо от нас,
То гонит вдаль, то водит нас по кругу.
Письмо или телеграмму мы подчас
Не можем сквозь года послать друг другу.

То друга в день ненастный унесет
Бессмысленная, дикая стихия,
То самого тебя пора невагод
Закрутит так, что не найдут другие...

...Мы жизнью так давно разлучены,
Как бы рекою в паводок весенний.
Мы, как сурбан, разорваны. Лишь сны
Дарили нам немного утешений.

Из памяти вовеки не изъять
Твой образ — и улыбку на прощанье,

Когда, крепясь, ты не смогла сдержать
К гортаням подступившее рыданье.

Немало я успел перевидать:
В горах гремела снежная лавина,
Шел ураган... О нет, не передать!
Но я и время были — воедино.

Но вновь сегодня я в горах грущу,
О близком друге жду хоть малой вести,
Душой горя, мучительно ищу
След прошлых лет, с ним пережитых вместе.

ЧЕРНОЕ МОРЕ, СТИХИЯ РОДНАЯ...

**Черное море, стихия родная,
Что ж ты меня отовсюду манишь?
Сердце поэта всегда вдохновляя,
Чары свои и донныне хранишь.**

**Песня дружила с твоею волною,
Песня тогда кареглазой была,
В тужельках белых вечерней порою
Вместе со мною вдоль берега шла.**

**Все для меня открывалось впервые:
Пена прибоя и гребни валов,
В темную бездну шаги роковые,
Да и любовь, словно в детстве, — без слов.**

**Волны совсем о затишье забыли,
Грудью столкнулись, упали в провал.**

Словно мелодию Палиашвили,
Рокот подступный я вдруг услышал.

Жизнь пробежала бродяжьей волною,
Время уж берег и мне отыскать.
Сердце, как прежде, не знает покоя —
Как ему скажешь: «Пора отдыхать»?

Ровных дорог, словно встарь, избегая,
Так и живу я — судьбы не кляня...
Черное море, стихия родная,
Что ж ты зовешь отовсюду меня?

ПИСЬМО

Нет, я не успокоюсь никогда —
Я сердцем чую тайны естества.
Пусть голова давно моя седа,
Но песня неизменная — жива.

И новый день опять к себе манит,
Воображеньем вдруг преображен.
Приметы мира — взор мой сохранит,
Звучаньем мира — слух мой напоен.

Тропы изгиб, где я в пространство рвусь,
Прибрежный вал, смолистый дух сосны —
Неужто я без них не обойдусь?
О, нет. Они как воздух мне нужны.

Прости меня. Скиталец записной,
Познал я грусть, но счастлив был вдвойне.
Тебе со мной — бывало тяжело,
С самим собой — еще труднее мне!

* * *

О сердце, что с тобой страдось?
Быть может, оба мы устали?
Ты к свету горнему рвалось,
Бредя сквозь сумрачные дали.

И в этой тяге столько раз
Случалось с нечистью сразиться!
Смотри, как медленно сейчас
Влачится наша колесница.

О сердце, сердце, ты — кремень!
С каким неистовством порыва
В тебя врезалось каждый день
Юдоли тяжкое огниво!

Взойдя подобием звезды,
Людей храня и согревая,

Не распознано ты беды —
И вот забилось, прозревая.

Пусть в землю пламенем уйдешь,
Но если там, сквозь глубь ночную,
Хотя бы искрою сверкнешь —
Ни в чем тебя не упрекну я!

СОДЕРЖАНИЕ

Языком любви. А. Хузангай — 3

НАПЕВ (1923—1936) *Перевод В. Алейникова*

«Эти звезды задолго до нас появились...» — 9

«Захандрия, не хотел я стихи сочинять...» — 10

«Колечко звонкое с жемчужиною скатной...» — 11

«Дуга из вяза, колокольчик медный...» — 12

«Я коня гнедого оседлал...» — 14

«Ласточка упрямо рвется ввысь...» — 16

«В тени ветлы, над сонною рекой...» — 18

«Сегодня все вокруг белым-бело...» — 20

«Уж полночь. Трудно мне глаза сомкнуть...» — 22

«Я ждал тебя, любимая...» — 24

«Так шумели овраги весною...» — 26

«Ветер, дышащий влагой ненастной...» — 28

«Да, верю я в свою звезду...» — 29

«Мороз и солнце — нынче день на славу!...» — 30

«На свете есть ты или нет...» — 33

«Вглядись в меня, незримой оставаясь...» — 35

«Море Черное буйно вскипает...» — 37

«Родиному краю — до земли поклон...» — 40

«Ночь туманна. Вновь я сам не свой...» — 42

- «Как ночь ясна! Опять не спится мне...» — 43
- «Сядь-ка рядом, милая, со мной...» — 45
- «Не склоняй головы предо мной...» — 47
- «Меж облаков луна сияет молодая...» — 49
- «Себя я уверял так много дней...» — 51
- «Месяц в этот вечер — чародей...» — 52
- «Покровитель лирики земной...» — 54
- «Село твое — прославленная Кушка...» — 56
- «Из чуваш я такую еще не встречал...» — 58
- «Грустить не надо. Голову поднять...» — 59
- «Тень на лицо твое ляжет неожиданно...» — 61
- «Кем бы ты сегодня ни казалась...» — 63
- «Как узнать мне, кто ты, дорогая...» — 65
- «Никто не махал мне рукою вослед...» — 68
- «Я так любил тебя...» — 71
- «О поэте отчаянном ты не тревожься...» — 73
- «Не буду петь я больше никогда!..» — 75
- «Дождь нарастал — как видно, неспроста...» — 77
- «В час одиночества, в чужом краю, в тоске...» — 79
- «Наконец-то заря заглянула в окно...» — 80
- «Пусть будешь ты заброшена судьбою...» — 82
- «Ночь такую дано пережить только раз
на земле...» — 84
- «Безлистый лес уныл. Бугристые поля...» — 86

- «Мне чутье подсказало, что это всерьез...» — 87
- «Тьма крошечная. Ветер лишь вост...» — 88
- «Вот я и в Волгу выплываю...» — 89
- «Судить об этом ты да я...» — 90
- «Когда-нибудь в старости, грустной, порою...» — 92
- «В напеве этом столько дивной власти!..» — 94
- «О тебе в этот миг вспоминаю...» — 96
- «Ночь темна. Ненастью дела мало...» — 98
- «Вот облака уходят чередою...» — 100
- «Дождь отшумел, суля разлуку...» — 103
- «Была ты не первой, последней не станешь...» — 104
- Окно — 106
- «Одну страну из многих я любил...» — 108
- «Ее он давно и так чисто любил...» — 109
- «Ну вот и осень. Ночь смутна...» — 111
- «Ты мне вспомнилась нынче — и лира...» — 113
- «Как август нынче щедр!..» — 114
- «Как теплый дождик летним полднем...» — 116
- «Снова пух тополиный летает...» — 117
- «Волна речная плещется, рябит...» — 119
- Во время работы над переводом — 121
- «От людей я слышать привык...» — 123
- «Звездами-глазами, не мигая...» — 125
- «Придет или нет?...» — 127

В гостях — 130

«В неделю последнюю марта шального...» — 133

«Твой взгляд со мной повсюду...» — 134

«Видений давних череда...» — 136

«Пусть для нас будет ночью любви эта ночь!..» — 137

«Все, кто любили, и все, кто кляли...» — 138

«Поверь, еще к тебе я возвращусь...» — 140

КОГДА ПРОЯСНИТСЯ (1922 — 1935)

Перевод В. Алейникова

«В мире этом любая живая душа...» 145

«Под дубом высоким лежу...» — 146

Поэт — 147

«Проходит светлый день...» — 148

«Зардевшееся солнце опустилось...» — 149

Старинная свадьба — 151

«Наверное, такой уж мой удел...» — 153

Письмо — 155

«Предрасветная синь, разрастаясь...» — 157

«Озера гладь подо мной, как стекло...» — 158

«Еще в округе — талая вода...» — 159

Чувашская вышивка — 160

Аттила — 162

«В природе — полосы и пятна...» — 164

- «Черный вечер да белый снег...» — 166
«Любовный ковш наполните, друзья...» — 168
«Я деревню далекую помню так ясно...» — 170
Метель — 173
Г. Т. Алендею — 176
«Ах, если сердце как цветок...» — 180
«Земля чужая. Дом чужой...» — 182
Далеким друзьям — 184
Вечерние тени — 187
«Прячься, грусть, поглубже, не мешай...» — 189
Образ — 191
«Ты сказкою ко мне вошла...» — 192
«Любимая моя! Мне говорила мать...» — 193
«Опять ты о моем народе говоришь...» — 194
«Она богиня или нет, не знаю...» — 195

ПИСЬМА ИЗ ГОСПИТАЛЯ (1944—1945) *

- Журавли — 199
«Грезит ночь... Из комнатного плена...» — 201
Женщине — 203
«Ложди, дожди... Лежи и жди!..» — 205

* Стихотворения, отмеченные звездочкой, написаны автором на русском языке.

- «За окном палаты...» — 207
 «О, как красноречива ты...» — 208
 «Былого покоя не зная...» — 209
 «Под внезапным налетом дождя...» — 210
 «Твой портрет всегда, везде со мной...» — 212
 «Воробьи расчирикались яростно...» — 214
 «Я прислушался к птичьему гомону...» — 215
 «Кипарисы в снегу. Это так необычно...» — 216
 «Письма с Севера напомнили...» — 217
 «Госпитальный Харитоша...» — 219
 «Синее небо. Солице выше...» — 220
 «Венецианское окно...» — 221
 Кипарис — 222
 «Когда я тосковал один...» — 223
 «Война вошла мне в кровь и плоть...» — 224
 «Кипарисы закивали...» — 225
 «Прислонилась. Потерлась щекой о щеку...»
Перевод автора — 226
 Летний вечер. *Перевод М. Рудермана* — 227

СЕМЬЯ АПТРАМАН (главы из романа в стихах)

- Напутствие. *Перевод А. Казакова* — 233
 Натали вышивает. *Перевод А. Казакова* — 235
 Первый день. *Перевод А. Казакова* — 246

- Натали — медсестра. *Перевод С. Поделкова* — 256
Счастье. *Перевод А. Казакова* — 268
В польском городке. *Перевод А. Казакова* — 288
В родном селе. *Перевод П. Дружинина* — 312
Прощание. *Перевод А. Казакова* — 315

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА (1960—1962)*

- Моя Прага — 325
Я симфонию Сметаны слушал — 326
Я не люблю деревьев стриженных — 327
«Не кончить вместе нам наш путь земной...» — 328
Три посвящения:
Элисавете Багряне — 330
Благе Димитровой — 334
Ливане Даскаловой — 336
«То в тумане, то яснее...» — 338
«Гроза в Балканах... Помнишь? Вскоре...» — 339
«Если б не было моря и гор никогда...» — 340
«Не зови ты себя некрасивой...» — 341
«Мы молчим о самом главном...» — 342
«Я знаю: ты — последняя любовь...» — 343
«Я ждал в твоих письмах намека...» — 345

* Стихи написаны на русском языке.

- «Мое имя по-гречески «камень»...» — 347
«Один из нас переживет другого...» — 348

ЗВЕЗДА И ВОЛНА (1945—1966)

- В небесах — моя звезда!** *Перевод*
В. Алейникова — 353
- Рыбак.** *Перевод В. Потаповой* — 355
- Тоска по дому.** *Перевод В. Потаповой* — 356
- Раковина.** *Перевод В. Потаповой* — 358
- «На Волге, ветру приоткрытой...»**
Перевод В. Алейникова — 360
- Глаз Волги.** *Перевод В. Потаповой* — 361
- Поэзия.** *Перевод В. Алейникова* — 362
- «Ты, зимний хлад, ты, летний зной...»** *Перевод*
В. Алейникова — 364
- Танго.** *Перевод В. Алейникова* — 365
- «Жизнь часто, независимо от нас...»**
Перевод В. Алейникова — 368
- Черное море, стихия родная...** *Перевод*
В. Алейникова — 370
- Письмо.** *Перевод В. Алейникова* — 372
- «О, сердце, что с тобой стряслось?..»** *Перевод*
В. Алейникова — 373

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ
(Петр Петрович Хузангай)

ВРЕМЕНА ЛЮБВИ

СТИХИ И ГЛАВЫ
ИЗ РОМАНА В СТИХАХ

На русском языке

Составитель **А. П. Хузангай**

Редактор **П. Е. Дмитриев**

Художник **Э. М. Юрьев**

Художественный редактор **Г. С. Самсонова**

Технический редактор **В. П. Окина**

Корректор **А. И. Елсина**

ИБ 2303

Сдано в набор 7.02.89. Подписано к печати 13.10.89.
НТ 26352. Формат 70×90/64. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,02. Усл. кр.-отт. 14,11. Учетно-изд. л.
8,26. Тираж 1000 экз. Заказ № 485. Изд. № 46.
Цена 1 р. 10 к.

Чувашское книжное издательство.
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Государственного комитета
Чувашской АССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли,
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 15.

Хузангай П. П.

X 98 **Времена любви, Стихи, главы из романа в стихах (Пер. с чувашск.; составл. А. П. Хузангая; Худож. Э. М. Юрьев.— Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989 г.— 381 с.**

В книгу народного поэта Чувашии Педера Хузангая (1907—1970) вошли избранные произведения, созданные им на протяжении почти полувековой интенсивной творческой деятельности.

Переводы стихов выполнены известными русскими поэтами В. Алейниковым, А. Казаковым и др.

ББК 84. Чув 7-5

X $\frac{4702710202-131}{M 136(03)-89}$ 46—89

ISBN 5-7670-0159-6

